

Виктор Колюжняк

Танец песчинок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18400434
ISBN 9785447474447

Аннотация

Медина – город посреди пустыни. Обитель проповедников, мечтательных романтиков и беглецов, скрывающихся от прошлого. Смерть здесь – дело привычное. Песчаная буря, солнечный удар, голод, скука и, разумеется, убийство. Детектив Любомир Грабовски привык считать, что знает всё, но очередное убийство заставляет задуматься, так ли это. В конце концов, скелеты в шкафу есть у каждого, даже самого добропорядочного гражданина. А тем временем танец песчинок, у которых тоже есть секреты, только начинается...

Содержание

Пролог	5
Глава I	9
Интерлюдия: Канга	19
Глава II	23
Интерлюдия: Рабби	32
Глава III	35
Интерлюдия: Канга	44
Глава IV	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Танец песчинок

Виктор Колюжняк

© Виктор Колюжняк, 2016

© Макс Олин, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Большинство запоминает великих людей по их наиболее дурацким «достижениям»: на Ньютона упало яблоко, а Эйнштейн – это безумный старик с высунутым языком. Однако едва речь заходит о законе всемирного тяготения или об общей теории относительности, как это же большинство стыдливо отводит глаза...

Лесли «Док» Сандерс

История начинается с прибытия поезда. Первого и последнего за время существования Медины.

В этом городе, затеряншемся в бескрайней пустыне, двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, круглый год – шуршит песок и дует ветер. Впрочем, иной раз всё внезапно успокаивается, словно песок и ветер отправляются в отпуск. Учитывая, сколько эти двое работают, они его заслужили.

Больше двадцати лет назад, в один такой день-исключение, Медина пребывает в блаженной неге. Лопасты ветряных электрогенераторов замерли недвижимо, а проклятый песок не пытается прорваться сквозь одежду, ударить в лицо или же забить фильтры пустынных масок, которые носят большинство жителей Медины. Потому-то сегодня маски остались дома, и лица под зноем солнца с непривычки чешутся, не ощущая прикосновений шершавых песчинок.

Где и как проводят это время горожане? Рутинка, секс, выпивка и попытки обогащения – досуг в Медине не отличается разнообразием.

Большинство устраивают перемирие в войне за существование: домашние хлопоты, дела по хозяйству и просто отдых – всё то, что даст возможность почувствовать себя обычным человеком в обычном городе, даже если завтрашний день вновь напомнит: это не так.

Некоторая часть мужчин обретается возле «Заведения мадам Реми». Девушки приступят к работе только в шесть часов вечера, а сейчас, пока ещё не наступил полдень и солнце не столь яростно прогревает город, девушки принимают солнечные ванны.

Полуобнажёнными, разумеется.

Из толпы мужчин, охваченных возбуждением, слышен лихой свист и доносится восторженное улюлюканье. Ещё чуть-чуть, и «кавалеры» начнут делить «дам», не дожидаясь вечера. Как всегда, дело не обойдётся без драки.

Мадам Реми – морщинистая, бледная, высохшая – спряталась в тени старого белого зонта и слегка улыбается, наблюдая за ажиотажем. Её вид столь резко контрастирует с девушками, что лучше рекламы для заведения не придумаешь. Хозяйка уже предвкушает, как будет наблюдать сегодняшним вечером за смущёнными и оттого хорохорящимися мужчинами, которые намереваются попробовать то, что видели издали.

Второй центр всеобщего внимания – бар «Цеппелин». Пользуясь отсутствием ветра, завсегдатаи проводят турнир по дартсу на открытом воздухе. Как раз сейчас Георгис Солпаидис – признанный чемпион не только бара, но и всей Медины – то почёсывая нос с горбинкой, а то оглаживая аккуратные усы, готовится сделать решающий бросок и одержать очередную победу. Он спокоен, сосредоточен, и, кажется, наперёд знает, что и как случится в будущем.

Впрочем, о прибытии поезда, до которого остаётся пара минут, не догадывается и Георгис.

* * *

Четырнадцатилетний Максимилиан Орбаис, собрав ватагу подростков и вооружившись металлоискателем, пытается найти сокровища, припрятанные песчаной бурей. Кладоискатели кружат по городу, и многие взрослые не видят ничего зазорного в том, чтобы на время присоединиться к подросткам, признавая при этом главенство спокойного и рассудительного Максимилиана, пусть он и выглядит хрупко и незащищённо в своих белых шортах и ярко-рыжей футболке.

Именно Орбаис первым замечает показавшиеся вдалеке чёрные клубы дыма. Его рассудительный ум увязывает происходящее в простую и понятную для подростка мысль, которую он тут же озвучивает, хотя прежде видеть подобное ему доводилось разве что в синематографе.

– Прибывает поезд! – восклицает Максимилиан, показывая пальцем вдаль.

Едва остальные кладоискатели устремляют взгляды в ту сторону, они понимают, что мальчик прав.

И когда это случается; когда Медина понимает, что к ней приближается локомотив; тот, словно осознав, что более не является невидимым для остальных, издаёт гудок. В отличие от поезда, человека в нём и самой Медины, гудок вполне обычен:

– Тууу-тууу, – раздаётся вдалеке.

Блаженная нега спадает с города, и людям кажется, что происходящее весьма и весьма необычно.

* * *

В городе есть вокзал – нелепое здание с кирпичным первым этажом и высоким цинковым куполом, переходящим в шпиль. Память о появлении этого архитектурного монстра отсутствует – жители Медины с трудом помнят историю города, предпочитая свои собственные истории.

Здание вокзала стоит заброшенным издавна, и в любом другом городе это означало бы, что его облюбовали бродяги, или реквизировала под склад какая-нибудь торговая компания. Однако в Медине вокзал стоит уже несколько десятилетий абсолютно невостребованный. Всё, что с ним приключается за это время – он ветшает и покрывается пылью.

Теперь же, собирая её на подошвы ботинок, сапог и туфель, жители Медины спешат лично убедиться в том, что не являются жертвами массовой слуховой и оптической галлюцинации. Расталкивая друг друга локтями, лягаясь и осыпая проклятьями, горожане занимают места на перроне. Тот не может вместить всех желающих, а потому многим приходится выглядывать из окон зала ожидания или спускаться по насыпи к месту, где должны быть рельсы.

«Должны», но никогда не было, в отличие от вокзала. Однако, несмотря на отсутствие путей, поезд подходит всё ближе, замедляя ход.

Теперь уже каждый может рассмотреть его, хотя зрелище маловыразительно. Угловатый и уродливый локомотив походит на выходца из тех времён, когда железная дорога только зарождалась. Вдобавок, поезд словно поглощает солнечный свет, так что невозможно даже различить цвет – какой-то тёмный, вот и всё, что можно сказать. На передней решётке выделяется отполированная табличка с номером: «6305».

Пересуды и толкования, которые порождает табличка, быстро сходят на нет, едва поезд останавливается. В воздухе разливается странный запах, который лучше всего характеризует

неизвестно кем пущенный слух, мигом облетевший всех собравшихся – так пахнет, когда горят кости.

Внезапно люди понимают, что прибытие поезда может обернуться не только любопытным, но и опасным событием. Исайя Смартофф, пророк Иуды Искарриота, начинает вопить о втором пришествии и кознях Антихриста, но разбушевавшегося священника быстро успокаивают парой увесистых затрецин. Обитателям Медины одинаково чужды все религии и одинаково же их раздражают любые пустобрёхи и крикуны.

Однако кое-какие сомнения слова проповедника порождают. Некоторым людям уже не кажется столь интересным зрелище мрачного поезда. Они проталкиваются сквозь толпу, стремясь покинуть вокзал. Пока это ещё не вал паники, но ручеек трезвых, здравомыслящих и в меру трусливых людей. На них обращают внимание, хмурятся, бросают вслед проклятья...

Вот только, когда с ужасающим лязгом открывается дверь среднего из трёх вагонов, а следом, с не менее противным скрипом, начинает выдвигаться приставная лестница, большинство решает присоединиться к побегу.

Теперь уже точно никого нельзя назвать трезвым или здравомыслящим. Это стадо, которое осознало, что его заперли в одном загоне с хищником. Они блеют, орут, поджимают ноги; надеются, что в жертвы выберут кого-то другого, а не их; торопятся как можно скорее оказаться подальше от этого места.

Кто-то спотыкается и падает, чтобы тут же оказаться затоптанным.

Некоторые излишне нервные горожане достают оружие и начинают стрелять или размахивать ножами по сторонам, взвинчивая градус паники до предела.

Кипящий котёл готов вот-вот взорваться, но в этот самый момент звучит голос Лесли Сандерса. Он вышел из поезда, ступил на перрон и сейчас с удивлением рассматривает вакханалию, творящуюся перед ним.

– Что вы, мать вашу, делаете, грёбанные придурки?! – гневно вопрошает он.

* * *

Впоследствии жители Медины придут к выводу, что их остановил не сам выкрик. И даже не желание растолковать незнакомцу, что он не прав, если вздумал поносить обитателей города, в который едва прибыл. Нет-нет, их остановила сила вопроса, звучавшая в этом выкрике. Сила, которая потребовала от каждого вернуться и объяснить, что конкретно он, мать его, грёбанный придурок, делает.

Это будет новое незнакомое чувство: чужая покоряющая воля в городе, где все привыкли подчиняться только себе, песку и ветру. Именно этот момент станет началом нового этапа в жизни Медины. И не случись этого вопроса, жертв могло оказаться куда больше, чем трое убитых и восемнадцать раненых.

Впрочем, не будь этого поезда, многие события вообще могли не произойти.

* * *

После приличествующих моменту взаимных преставлений, Лесли Сандерс изъявляет желание поселиться на вокзале. Ни у кого не возникает вопроса, откуда он знает, что здание пустует. Точно так же никто не пытается оспорить право новичка занять это место. Лицо Лесли, обтянутое сухой желтоватой кожей, напоминающей старый газетный лист, излучает уверенность, а антрацитовые глаза выискивают в окружающих и окружающем нечто, известное только им.

Новичка принимают пусть с осторожностью, но благожелательно, и вечером того же дня Лесли Сандерс получает прозвище «Док». Неизвестно, чья это идея, и откуда она вообще берёт своё происхождение, ведь Лесли не заявлял о какой-либо учёной степени или намерении начать врачебную практику. Скорее всего, дело в том, что у каждого настоящего «Дока», по мнению обитателей Медины, обязательно есть волнующий его вопрос, который вбит кроваво-красными буквами глубоко в подкорку – гештальт, диктующий поведение, стиль жизни и образ мысли.

А вопросы исподволь звучат в каждом слове Лесли, отчего даже обычное «да» звучит так, словно он переспрашивает. Док и сам похож на вопросительный знак: высокий, сутулый, в чёрном костюме и огромных лакированных ботинках, постоянно начищенных до блеска.

* * *

История, как уже говорилось, начинается с прибытия поезда, но заканчивается по-разному для каждого из её участников. Стоит рассказать о некоторых из них.

Мадам Реми через три года тихо скончается в своей постели. В тот же день «Заведение» возьмёт под контроль Клио – ближайшая помощница мадам. Вывеску поменяют, явив взглядам жителей «Заведение мадам Клио», а в остальном – это будет то же место, что и раньше.

Бар «Цеппелин» будет взорван при таинственных обстоятельствах пару лет спустя. Ещё до этого времени Георгис Солпаидис – завсегдатай и чемпион – будучи пьяным, вздумает пошутить, кинув пару дротиков в приятелей-собутыльников. Одна из «стрелок» вонзится товарищу в глаз, и непонимающие подобного юмора друзья решат пошутить по-своему. В попытке научить Георгиса хорошим манерам, его несколько раз огреют по затылку бутылкой виски. Ставший одноглазым друг-приятель умрёт от заражения крови, а сам Георгис от черепно-мозговой травмы. Об этом происшествии поговорят неделю, а после всё постепенно забудется.

Максимилиан Орбаис, который первым увидел приближение поезда, как раз наоборот останется в памяти потомков. Несмотря на малую роль в описываемых событиях, его до конца жизни будут называть «Тот-Самый-Мальчик-Который-Заметил-Поезд», хотя у Орбаиса будет ещё немало поводов для гордости.

Лесли «Док» Сандерс, человек, чьё странное прибытие в Медину продиктовано желанием найти ответ на самый значимый вопрос его жизни, умрёт в тот самый момент, когда наконец-то подберётся к разгадке.

Но конец каждой истории, как и положено, станет началом следующей...

Глава I

«Город контрастов» – самая дурацкая фраза, которую можно подобрать для описания Медины. Всё происходящее здесь похоже на калейдоскоп, который чья-то невидимая рука без усталости трясёт перед твоими глазами. И это мельтешение становится смутным и расплывчатым, сливаясь в ровный фон, из которого вырастают красочные картинки. А затем ты моргаешь, и перед глазами остаются лишь зернистые точки, подобные песчинкам в их непрекращающемся танце...

Видели когда-нибудь, как они танцуют? Как мириады их взмывают в воздух, подхваченные ветром, и начинают кружиться, переплетаясь, подобно телам в смятой постели? Как картины прошлого и видения грядущего на секунду проступают в этом танце и вновь исчезают?

Если нет – приезжайте в Медину.

Здесь кожа на лице становится красной и грубой от постоянных ударов мелких песчинок. Они забиваются под ногти, в малейшую складку одежды, в карманы, даже в поры кожи. И через пару недель в Медине ты становишься очередным серо-коричневым пятном, покрытым налётом песка. Каждый день ты будешь ложиться спать, стряхивая его с простыни, чтобы утром вновь проснуться в своей персональной песочнице.

Иногда мне кажется, что каждый из нас точно такая же песчинка в этом гигантском море. И город, просыпаясь, выгребает нас из своей постели, а мы упорно лезем назад...

* * *

В баре «Отвратный день» внутренняя обстановка под стать названию, но у него есть одно неоспоримое преимущество перед остальными подобными заведениями. «Отвратный день» располагается ровно через дорогу от полицейского управления. В Медине, с её непрекращающимися, а лишь затихающими на время песчаными бурями, это немаловажно.

Пятьдесят шагов в одном направлении человек способен пройти почти в любую погоду и почти в любом состоянии.

Моё же состояние в тот вечер, как и во многие другие в тот год, было далёким от идеального. Я смотрел в глаза вечности и отводил взгляд первым – это мне, а не вечности хотелось надраться так, чтобы не чувствовать ничего.

Потрёпанная маска с песчаными фильтрами болталась на грязной шее; рука с криво-подстриженными ногтями дрожала, пытаюсь удержать пустую рюмку; глаза застилал тоскливый туман; голова постоянно клонилась вниз, предчувствуя скорое появление сна. То и дело запуская руку в густые грязные волосы, я добился того, что причёска напоминала формой песчаную дюну. Проснувшийся в глубинах памяти Томаш (мой несостоявшийся дворецкий, камердинер и кто-то там ещё) ворчал с презрением и осуждением, как он часто любил делать в дни моего детства.

– Ещё одну, Карл, – произнёс я, заглушая голос Томаша.

Карл – высокий и улыбчивый бармен «Отвратного дня» – был немым (не знаю уж от рождения или ещё почему), но прекрасно умел говорить взглядом и жестами. Вот и сейчас он выжидающе смотрел на меня прищуренными, чуть насмешливыми голубыми глазами. Кому другому этот взгляд не сошёл бы с рук, но для Карла я ограничился тем, что повторил просьбу и стукнул кулаком по стойке. Карл усмехнулся и налил ещё рюмку. В насмешке было сочувствие, но я старался не замечать его.

В последнее время я многое старался не замечать.

Зато я отлично знал, что буду делать минут через двадцать-тридцать. У меня было несколько лет практики, чтобы довести действия до автоматизма...

Влив в себя ещё рюмки три-четыре, я начну разговаривать с призраками прошлого (здравствуй, Томаш!) и в очередной раз попытаюсь доказать, что они ошибаются. Всё закончится тем, что я, нелепо взмахнув рукой, упаду на пол, а потом буду долго подниматься, путаясь в плаще и цепляясь за барный стул.

Когда разумный человек начинает замечать за собой подобные привычки, он перестаёт пить. Однако я не был разумным, а в своих человеческих качествах уже начинал сомневаться.

Впрочем, все (в том числе и Карл) уже привыкли к моему ежевечернему ритуалу. К моей колыбельной, помогающей нырнуть в беспмятство.

Поначалу меня пытались образумить, а затем, когда я вроде поддался (по крайней мере начал слушать, а не злобно рычать в ответ), они вдруг отвернулись и оставили меня без поддержки.

Нельзя сказать, что я сильно расстроился – просто ещё один повод надраться, ничего больше.

* * *

Кто-то тронул меня за рукав плаща, возвращая из размышлений к реальности. Я в этот момент поднимал очередную рюмку и едва не опрокинул её на себя. Чертыхнувшись, я прыгнул сквозь зубы и повернулся к неизвестному, вздумавшему мне помешать. Думаю, взгляд получился достаточно красноречивым.

Впрочем, незваным гостем оказался Бобби Ти, а уж он-то давно привык к подобного рода взглядам. Хотя всё равно толстяк отшатнулся, задев соседний стул и уронив его. Стараясь не смотреть мне в глаза, Бобби Ти принялся поднимать стул, делая это, как и всё остальное, натужно и нелепо. Нормально нагнуться ему мешал огромный живот, потому пришлось присесть на корточки. Обычно так делают женщины в коротких юбках, не желая показать, что у них там скрывается (а возможно, желая, чтобы ты задался этим вопросом), но Бобби Ти недалеко ушёл от женщин.

«Ти», в его случае, означало «титьки». И дело было не только в жире, раздувшем его тело, но и во всём поведении Бобби, больше подходящему трусливой школьнице.

– Что тебе надо? – мой голос был преисполнен траура по планам, которым не суждено сбыться. В то, что Бобби пришёл сюда по собственной воле я не верил. Толстяка, разумеется, прислал шеф, и случилось что-то срочное.

– Убийство, – Бобби Ти мямлил и комкал в руках защитную маску. – Шеф сказал, что этим делом должен заняться детектив Грабовски.

– Больше некому?

– Туда уже выехал детектив Крополь, но шеф сказал, что вы всё равно должны быть там. Убили Дока.

– Дерьмо...

Я некоторое время молчал, покачивая поднятую рюмку, а Бобби Ти переминался с ноги на ногу. Его держали в полицейском управлении только из-за того, что он соглашался выполнять всю ту работу, от которой отлынивали остальные – писать множество ненужных бумажек, принимать звонки, быть на побегушках у шефа. Сейчас Бобби Ти ждал, когда же я соизволю встать, наверняка мысленно желая, чтобы при этом дежурная порция насмешек оказалась как можно короче.

В этот раз ему повезло. Я медленно выпил, а затем поставил на стойку перевернутую рюмку.

– Машина?

– Уже ждёт, – Бобби разве что не прыгал от радости, что я перешёл к делу.

– Хорошо, я сейчас приду. Можешь проваливать.

Бобби Ти послушно кивнул и постарался скрыться из бара ничего по пути не задев, и у него получилось – необычно много везения для Бобби сегодняшним вечером.

Я повернулся к Карлу и наткнулся на укоризненный взгляд.

– Будешь читать мне мораль, Карл? – бармен усмехнулся и покачал головой. – Правильно, не стоит. Дело ведь не в том, как он выглядит, а в том, как он с этим живёт. Так что пусть будет благодарен, что я ограничиваюсь словами.

В глазах Карла мелькнула насмешка.

«Посмотри на себя, Любомир Грабовски, – говорил этот взгляд. – Тебя и Бобби Ти различает только то, что в его случае страхи трансформировались в привязанность к еде, а в твоём – к выпивке. Он тебя так раздражает из-за того, что ты видишь в нём кривую копию себя».

– Сделай мне что-нибудь отрезвляющее, – попросил я, решив не обращать внимания на так и не прозвучавшую речь.

Карл пожал плечами и принялся смешивать коктейль из сырых яиц, томатного соуса и лимонного сока. Я следил за его действиями с рассеянной улыбкой и размышлял над одним принципиальным различием между мной и Бобби Ти, которое бармен упускал из вида.

Я нёс свой крест с улыбкой и удовольствием...

* * *

Через десять минут, сидя в кабине служебного вездехода в компании хмурого водителя, я пытался представить, кому могла быть выгодна смерть Дока, и не находил ответа.

Да, старик был странным, но не более странным, чем многие жители Медины. Денег у него не водилось, а вокзал, который служил Доку домом, вряд ли мог кого-нибудь заинтересовать, учитывая, что раньше он стоял опустевшим. Кроме того, старик ладил практически со всеми. Его слегка побаивались, иногда подшучивали, но я не мог вспомнить, чтобы кто-то искренне желал Доку зла, хотя и не стоило полагаться на мою память. Сколько я жил в этом городе, старик с его историей появления, в которую я не очень-то и верил, был легендой Медины.

Одна из достопримечательностей вроде песчаных бурь, памятника мэру Орбаису или огромной воронки на месте взорванного бара «Цепелин».

Мне нравилось общаться с Доком, пусть и случалось это не так часто – либо старик был занят, либо я сам не находил времени. Однако, когда беседы всё же случались, то они приносили удовольствие. Почти всегда расспрашивал Док, но было что-то такое правильное в его вопросах, что на какое-то время помогало выбраться из тумана алкогольных паров и увидеть мир в ином свете.

К сожалению, вскоре очередная передряга загоняла меня обратно, но факт оставался фактом – Док умел поразительно точно проникать в глубину души человека. Возможно, если бы он стал проповедником, то имел бы куда больший успех, чем адепты остальных религий, пытающиеся обратить жителей Медины в свою веру.

Тем не менее, сейчас старик был мёртв, и я надеялся, что сумею заглянуть в глаза тому, кто на это решился.

И буду задавать вопросы, пока не услышу ответов.

* * *

Возле вокзала меня встретили пара патрульных вездеходов, фургон на гусеницах с потускневшим красным крестом на боку и личный автомобиль детектива Шустера Крополя. Вопреки здравому смыслу и всепроникающему песку Шустер разъезжал на джипе с брезентовой крышей, высокой подвеской и увеличенными колёсами. Этого монстра он охранял столь тщательно, будто лучшего средства передвижения во всей Медине и быть не могло. Шустер даже любой ремонт проводил самостоятельно, и я подозревал, что внутри джипа скрывается какой-то секрет, хотя напрямую ни разу и не интересовался. Когда-то мы молчаливо договорились, что не будем лезть в жизнь друг друга сверх меры, и выполняли это соглашение до сих пор.

К примеру, Шустер не читал мне нотации на тему выпивки, а я, в свою очередь, ещё ни разу не спросил, почему он всё время носит эти странные очки...

Сейчас же мне предстояло задавать вопросы вещам на месте преступления. Они обычно знают многое, хотя не с каждым готовы поделиться ответами. Всё зависит от того, как ты спрашиваешь.

Я вылез из вездехода и направился к вокзалу. Водитель остался сидеть в машине, достав из бардачка Кубик Рубика. Мозолистые пальцы сноровисто обращались с игрушкой, которую куда привычней видеть в руках ребёнка, чем у сорокалетнего мужчины с лицом профессионального убийцы. Вертя разноцветный кубик, водитель зловеще ухмылялся, будто придумывал способ уничтожить весь город одним ударом.

«Возможно, так и есть. Я не удивлюсь», – подумал я и решил, что в таком случае готов предоставить водителю шанс.

Медина заслужила собственный апокалипсис – к такому мнению я приходил не только, когда был пьяным. С этой мыслью я просыпался и засыпал. Не знаю, почему я ещё оставался в этом городе. Возможно, то был дом, найденный после долгих лет поисков, а скорее всего – я был трусом, который не может решиться всё бросить и начать с начала.

Я цеплялся за Медину, как молоденькая девушка цепляется за издевающегося над ней мужа.

* * *

Трое полицейских осматривали территорию снаружи, ещё один охранял вход в комнату, где произошло убийство. Внутри Шустер и медик стояли с озадаченным видом, какой бывает, когда первый шок уже прошёл, и остаётся лишь вопрос: «Как такое может быть?»

Мой затуманенный разум не обратил внимания на странное поведение коллег, но едва я подошёл ближе и взглянул на мертвеца, как внутри всё перевернулось. Подозреваю, в этот момент на моём лице появилась такая же озадаченная маска.

То, что лежало на полу никак не могло быть Доком, потому что у трупа не было сердца – в грудной клетке виднелась огромная дыра, словно что-то взорвалось изнутри. В самой отверстии проглядывала мешанина трубок и проводов, собравшихся в один огромный узел, похожий на творение безумного механика, в пьяном угаре соединявшего всё подряд. Вместо крови из раны натекала и уже частично засохла странная маслянистая жидкость. Хотя цвет у неё был красным, я сильно сомневался, что нечто подобное обнаружу когда-нибудь в собственных венах, если только не перейду от спиртного к чему-то более экзотичному.

И всё же это был Док. Его лицо, с застывшей гримасой удивления; шрам на подбородке в виде повёрнутого набок полумесяца; тёмно-карие глаза; нос с горбинкой; неизменный чёрный костюм, чей крой сложно было перепутать с другим. Как-то Док обмолвился,

что там, откуда он родом, подобную одежду носили все, но что это за страна узнать не удалось. Фактически, это был единственный раз, когда я хоть что-то услышал о том, кем был Док до приезда в Медину.

А сейчас он лежал прямо передо мной. Мёртвый, без всяких сомнений, и не способный ничего рассказать. Жизнь весьма изобретательна, раз один из самых «человечных» жителей Медины оказался наполовину механизмом.

Я говорю «наполовину», потому что дело было не только в отсутствующем сердце – часть видневшихся костей была настоящей, в то время как на других имелись металлические вставки или заплатки. А ещё от трупа шёл одуряющий запах гниющей плоти, какой должен был идти от мертвеца, пролежавшего на жаре пару дней.

– Когда он умер? – спросил я.

– Смекаешь, – Шустер поправил тёмные зеркальные очки, плотно прилегающие к вытянутому узкому черепу. Так плотно и так зеркально, что глаз под стёклами было не видно совсем. – Если наш медик не слишком шокирован видом трупа и может нормально соображать, то всё произошло сегодня. Всего каких-то пару часов назад.

Медик метнул быстрый взгляд на Шустера и пробурчал что-то себе под нос. Достаточно разборчиво, чтобы понять, кому адресованы ругательства, и в то же время так тихо, что всегда можно сказать: «Вы меня неправильно поняли...»

Парень работал не первый год и знал, что, когда и как нужно говорить.

– Вдобавок, – продолжил Шустер, подойдя к окну, – у нас есть убийца.

Я засмотрелся на то, как свет лампы обрисовал тонкую фигуру Шустера на стене – силуэт был похож на призрак из готического театра теней. За этими наблюдениями смысл последней фразы не сразу дошёл до меня.

– Что ты сказал? Убийца? – переспросил я, чувствуя, как кулаки сжимаются помимо воли. – Он здесь?

– Да. И это он нас вызвал. Законопослушный гражданин, когда не убивает, не находишь?

Я всегда считал, что мой юмор чернее некуда, но порой Шустер превосходил меня и в этом. Как и во всём остальном, кроме выпивки, разве что. Но этим мне было трудно гордиться.

– Где он сейчас?

– Ребята заперли в камере и не спускают с неё глаз. Если парень не умеет проходить сквозь стены, то никуда не денется.

– Мне хочется потолковать с ним.

– Понимаю... – усмешка Шустера могла бы напугать кого угодно. Она была такой же неживой и непроницаемой, как и взгляд из-под зеркальных очков. – Но это потом, Любо. У нас здесь хватает неразгаданных загадок и без убийств. Ничего не замечаешь?

Я слишком хорошо знал Шустера и сомневался, что он предлагает ползать на коленках в поисках улики или строить путанные версии произошедших событий. То, о чём говорил Шустер, лежало на поверхности.

Я присмотрелся к столу, за которым, по-видимому, Док сидел, когда убийца проник внутрь – стул был опрокинут, как это бывает, когда резко встаёшь. На потрескавшейся поверхности деревянной столешницы лежали разбросанные в беспорядке бумаги, исписанные каллиграфическим почерком. Отдельно, стопкой, покоились три конверта. Я аккуратно пальцем сдвинул их веером, чтобы прочитать адресатов, и присвистнул.

Док общался с весьма разношёрстной компанией, которую, впрочем, довольно легко было представить собранной вместе.

Легба, барон Рюманов и Рабби Шимон – самые значимые из когорты проповедников, мечтающих подчинить Медину воле своих богов. Протянув руку, я поймал одобрителный

кивок Шустера – можно было не переживать из-за отпечатков, криминалист уже поработал над конвертами. Открыв один (они были не запечатаны), я вытащил листок бумаги за самый краешек и быстро просмотрел содержимое.

На листе бумаги лишь слово, но сколь многозначительно его можно интерпретировать.

«Получилось...»

Вернув конверт на место, я двинулся вдоль стены, не сомневаясь, что Шустер говорил не только о письмах. Само преступление, необычный труп, позвонивший убийца, конверты и послания – тайны, подобно рыбам, обожают собираться в том месте, где прикормлено.

Под ногой что-то закрипело, и я наклонился, чтобы рассмотреть поближе. Передо мной было нечто вроде чёрного песка, так непохожего на жёлто-рыжий ковёр, лежащий на улицах Медины. Тонкой ровной линией, которая не прерывалась ни в одном месте, чёрный песок лежал вдоль стен комнаты. Взяв щепотку, я понюхал – чёрный песок пах пылью и тленом и ничуть не походил на порох.

Мысль о взрывной дорожке пришлось отбросить.

– Не порох, – подтвердил Шустер. – Пока не представляем, что это. Однако, как написано в письме Дока: «Получилось».

– Что? – спросил я, но пока вопрос слетал с языка, понял всё сам.

В комнате царил идеальная чистота, которая возможна в Медине только в первые несколько минут после уборки. Потом песок непременно возьмёт своё.

Я слышал о нескольких парнях, которые осознанно отказались от мебели, предоставляя песку право устраиваться так, как он того хочет. Эти безумцы спали на песчаных пригорках, мягко ступали по шершавому ковру и часами наблюдали миграцию дюн в собственных гостиных. Наверняка, чтобы оправдать сумасшествие, парни придумали какую-нибудь знатную теорию под это дело. Я даже пожалел на секунду, что так и не удосужился спросить.

В кабинете Дока не было никакого песка, кроме чёрного. Даже того, который непременно принесли бы с собой полицейские, медик, Шустер или я сам. Зато на пороге, возле границы, застыла жёлто-рыжая масса. У меня мелькнула одна мысль, и я двинулся к порогу, чтобы провести небольшой эксперимент.

– Не получится, – сказал Шустер, вновь предугадывая мои действия. – Если попробуешь высыпать в центр комнаты, то порывом ветра песок сдует, едва ты ступишь внутрь. Я уже пробовал.

– Порывом ветра? Я не чувствую никакого ветра, здесь все щели заделаны.

– Тем не менее, так и будет. Так что, как я и говорил, дело не ограничивается одним лишь трупом Дока. У нас здесь целая комната загадок.

Я кивнул. Я всё ещё частично оставался пьяным, но уж точно не слепым.

– Что-то ещё?

– Пока нет. Мы постараемся найти что-нибудь в бумагах Дока, или убийца захочет рассказать нечто интересное, но сейчас это всё, что нам известно.

– Я бы хотел с ним пообщаться, с убийцей.

– Не теперь, – Шустер мягко улыбнулся и успокаивающе поднял руку. – Позже, трезвый и не один на один.

– Ладно, – я примирительно кивнул, стараясь не выказывать разочарования, и покопался на конверты. – Тогда мне остаётся только оставить тебя здесь, а самому разнести письма. Я понимаю, что это улика, но криминалист уже сделал своё дело, а для более детального анализа я верну письма позднее. Те, кому они предназначались, могут занервничать и запаниковать.

– Кто из них?

– Да кто-нибудь! – я взорвался, в раздражении взмахнув руками, но тут же приказал себе успокоиться. Я мог высказать Шустеру что угодно, но не стоило делать это при посторонних. – В любом случае, здесь ловить уже нечего.

– Может и так, но хотя бы скажи, где тебя искать в первую очередь. Мало ли... – Шустер оборвал фразу.

– Особняк барона всего в двух кварталах, с него и начну.

Шустер внимательно посмотрел на меня. Я знал, что у него на уме вертится вопрос, и даже хотел, чтобы Шустер его задал. Однако, хоть вопрос и последовал, он был не тем, который я ожидал услышать:

– Возьмёшь вездеход?

– Нет, пожалуй, прогуляюсь. Нужно привести мысли в порядок и... протрезветь.

– Хорошо. Береги себя, Любо.

Я кивнул. Несмотря на охвативший меня азарт, я знал, что Рюманов самый опасный из той троицы, чьи имена были на конвертах.

* * *

Моя жажда мести всё не утихала, хотя я уже начал трезветь – виски пульсировали подступающей болью. Мне хотелось наказать убийцу, несмотря на открывшиеся секреты Дока, которые, как я подозревал, просто лежали на поверхности, прикрывая нечто ещё более странное. Однако я не верил, что хоть один из этих секретов стоил того, чтобы убить.

Когда-то я пытался представить мир, в котором люди бы не прятали скелеты в шкафах. После некоторого размышления пришёл к выводу, что особой радости это никому бы не принесло. Понадобилось бы всего лишь привыкнуть к виду людей, таскающих за собой громыхающие костяки нерешённых проблем.

Мсть продолжала гореть внутри, пока я шагал по продуваемым ветрами улицам Медины. Попутно я размышлял, что может заставить меня столь же активно взяться за собственные дела.

Возможно, дорога оказалась короткой, а возможно, я не больно-то и старался. У меня так и не получилось прийти к нужному ответу.

* * *

Особняк барона как всегда смотрелся внушительно: барельефы, колонны, фигурная вязь на древнеславянском по всему фасаду и холодный, без мерцаний, голубовато-белый свет из окон, который горел днём и ночью, пробиваясь сквозь задёрнутые портьеры. Даже при взгляде на этот свет становилось морозно, как где-нибудь в Святом Петрославле.

Два охранника у дверей, облачённые в металлическую броню с молнией Перуна-Апостола, смотрели на меня мертвенным светом голубоватых глаз – явным родственником того, что лился из окон.

К моему удивлению, фразы «У меня послание для барона» хватило, чтобы дверь открылась без промедлений и вопросов. Внутри особняка меня встречал барон Александр Рюманов собственной персоной. Одетый в тонкий, расшитый золотом халат он спускался с винтовой лестницы, шедшей сквозь несколько этажей. Величавая походка и подслеповато прищуренные глаза придавали Рюманову сходство с тюркскими ханами.

– Вельми рад видеть вас, княже. Ниспосланной благодатью ваш приход озарён, – поприветствовал он.

Я шумно выдохнул, запоздало жалея о своём решении начать именно с барона. Никогда не любил этого фигляра, но сейчас отступить было поздно. Возможно, сыграла роль извечная

привычка бросаться с головой в трудности, не заботясь о том, чтобы сначала всё хорошенько продумать.

«А возможно, ты очень хочешь, чтобы именно он был виновен», – подсказал Томаш.

– Не паясничайте, барон, не на службе, – буркнул я.

– Простите, не удержался. Чем обязан столь позднему визиту? Вы пришли приобщиться к нашей вере? Весьма похвально, но сомнительно. Возможно, у полиции есть ко мне вопросы? Или вас привело личное дело?

– И личное тоже. Док просил передать вам письмо.

– Вы прочли завещание, или старик успел озвучить просьбу перед смертью? – барон холодно улыбнулся.

– Вообще никак не успел, – не стал скрывать я. – Но полиции хотелось бы выяснить, что всё это означает...

Барон протянул руку, и я вложил в тонкие холёные пальцы конверт. Рюманов извлёк лорнет откуда-то из глубин халата и несколько секунд с недоуменным выражением лица изучал содержимое письма.

Наблюдать эту комедию было грустно и тоскливо – опьянение прошло, а депрессия никуда не делась. Проблема с бароном и подобными ему в том, что если их начинаешь торопить, то они начинают паясничать больше обычного.

– Не имею чести знать, что хотел сказать покойный.

– Не имеете или не желаете говорить?

– Разве я могу врать следствию? – барон фыркнул. – По-видимому, старик совершил некое открытие или же закончил важный эксперимент. Результатами, я так полагаю, он собирався поделиться со мной при встрече, а пока просто хотел известить письмом о свершившейся удаче. И сейчас, учитывая, что Док мёртв, я не могу знать, что он пытался сказать. Мы с ним слишком о многом беседовали, знаете ли...

Рюманов развёл руками и улыбнулся. По-доброму и обезоруживающе. Ни тени злорадства или лжи.

– Док написал ещё несколько писем, – закинул я пробный камень.

– Постойте, не говорите кому, – Рюманов поднял руку вверх, отвернувшись в сторону. Затем, вздохнул и опустил ладонь на выдохе. – Легба и Шимон, не так ли? Только не удивляйтесь и не задавайте лишних вопросов. Сейчас в Медине лишь трое пытаются принести божественный свет в это тёмное место. Индра-седьмой покинул нас на прошлой неделе, решив, что в текущем перерождении у него ничего не выйдет.

Я ничего не знал про отъезд Индры-седьмого. Я и видел-то его пару раз – сухопарый смуглый мужчина со слезящимися глазами.

Люди, которым были адресованы письма, действительно пытались привнести «божественный свет в это тёмное место», пользуясь терминологией Рюманова. Эта мысль пришла и мне самому, едва я увидел конверты, но зачем об этом упомянул барон? Пытается направить на след или же сбить с него? С этими русскими никогда ни в чём нельзя быть уверенным.

Изучая некоторое время барона, я молчал. Рюманов же сначала улыбался, а потом враз стал серьёзным, напомнив цирковых медведей, веселящих публику, но порой приходящих в бешенство на пустом месте.

– Княже, вы вообще осведомлены о тех исследованиях, которыми занимался Док?

– Полагаю, что да, – солгал я, хотя понятия не имел, что Док делал в Медине. Что-то исследовал, это уж точно.

– Ах, вы полагаете! – Рюманов насмешливо хмыкнул и вернулся к привычному образу. – Вы, должно быть, в том числе полагали, что я упаду вам в ноги и начну каяться? Признаюсь в убийстве Дока и, до кучи, ещё в чём-нибудь, что вы никак не можете раскрыть?

Вы это полагали? Не отвечайте, я ещё не закончил. Быть может, вы полагали, что я благо-склонно отнесусь к столь позднему визиту? Или к тому, что вы ведёте себя так, будто я являюсь главным или даже единственным подозреваемым?

– Нет, – я начал закипать, но в тот момент барон вновь переменял тактику.

– Я очень рад, что всё не так, – расплылся Рюманов в улыбке. – А то мне, знаете ли, показалось. Ну да, мало ли, что мне кажется, правда? Быть может, есть ещё что-то, в чём я могу вас просветить?

– Чёрный песок, – усмехнулся я сквозь сдерживаемую ярость. – Можете рассказать, что это такое?

– Как-как, вы говорите? Чёрный? Не имею ни малейшего понятия. Но это, знаете ли, интересно. Это меня увлекает. Так похоже на пепельный снег чадящих фабрик близ Святого Петрославля.

Я не сдержал смешок. На этот звук в приоткрытой двери у противоположной стены показалась полуодетая девушка, которая сначала сонно смотрела на нас, а потом, осознав, что Рюманов не один, тут же шмыгнула обратно.

– Не желаете остаться? – спросил барон. – Кальян, самовар, что-нибудь ещё...

– Пытаетесь купить?

– Ну вот! – Рюманов всплеснул руками. – Вы опять меня оскорбляете, княже, а я ведь всего лишь проявляю заботу о ближнем, как учит нас Перун.

Барон нащупал на груди серебряную цепочку, а затем его пальцы пробежались по аккуратной сапфировой молнии – вид божественного символа натолкнул меня на одну занятную мысль.

– Скажите, барон, а как Перун велит поступать с теми, кто потерял часть плоти, заменив её механизмами? Насколько я знаю, механические протезы не являются чем-то диковинным в ваших краях.

– Нужно искать в подобных калеках человечность, – Рюманов вновь нацепил холодную улыбку. – Вытягивать её по капле изнутри до тех пор, пока она не станет определяющей. А если человечности нет, то и относиться к таким созданиям надлежит как к бездушным тварям. Скажу вам даже больше, княже, люди умеют терять человечность, не избавляясь от плоти. Я удовлетворил ваше любопытство?

– Вполне.

– Тогда, будьте добры, оставьте меня.

Барон указал на дверь, продолжая улыбаться, и в тот момент я понял, что это его настоящее лицо. Или, как минимум, одно из самых любимых. Холеное лицо аристократа, привыкшего указывать и повелевать.

– Благодарю за оказанное гостеприимство, барон, – ответил я, не изменившись в лице. – Постарайтесь в следующий раз встретить меня в подобающем виде.

Когда я закрывал дверь, горсть песка, подхваченная ветром, ринулась на штурм, стремясь проникнуть внутрь. Повинуясь внезапному порыву, я придержал створку на секунду – не смог удержаться от маленькой неопасной мести.

* * *

В управление я брёл с надеждой обнаружить в сейфе предусмотрительно забытую там бутылку. Каждый раз, когда мне напоминали о прошлом, неудержимо тянуло выпить, хотя я точно знал, что это ничего не изменит.

С другой стороны – иного выхода обнаружить пока не удалось. Даже Томаш, как бы не вставал предо мною его укоряющий образ, чаще всего пользовался именно этим сред-

ством от дурной памяти. А когда изменил ему, то умер в грёзах гашиша. Слухам об отравлении я не верил, слишком многое надоело Томашу Хубчеку в этом бренном мире.

Когда-то я хотел убить барона. Ещё задолго до того, как встретил его в Медине. Однако, по иронии судьбы, наша встреча произошла, когда я решил отказаться от прошлого. К тому же, невозможно ненавидеть всю жизнь. В какой-то момент от чувства остаётся лишь привычка. Старые поводы остались в прошлом, а новые барон мне пока дал.

Не убивать же всякого, чьё поведение тебе не нравится?

А песок продолжал шуршать под ногами, и в том шуршании рождались картины прошлого и несбывшегося...

Интерлюдия: Канга

*Искушения созданы, чтобы с ними бороться, но это не означает,
что всегда необходимо побеждать.*

Поражение, подчас, куда приятней...

Барон Алексей Рюманов

Восемь лет назад, в один необычайно пасмурный день Любомир Грабовски патрулирует улицу – скорее, от скуки, чем от желания сберечь покой граждан Медины. Сегодня в городе тихо, ведь приближение грозы – слишком редкий праздник, чтобы омрачать его. Шанс того, что гроза и в самом деле разразится – ничтожен, но никто не мешает в него верить.

Большинство жителей расположились на верандах, некоторые забираются на крыши, а многие устраиваются просто под открытым небом. Люди ждут дождь; мрачное небо затянуто тёмно-серыми и чёрными тучами; вдалеке, если присмотреться, можно увидеть зарницу или попробовать убедить себя в том, что ты её видишь.

Грабовски жаждет прихода дождя, но вместо наблюдательного поста на остывающей броне вездехода, подобно остальным полицейским, детектив выбирает прогулки по улицам Медины. Маски на его лице нет и чуть влажный ветер приносит с собой не только песчинки, но и прохладу. Кажется, будто воздух наполнен ожиданием, хотя этим наполнен сам город.

Внимание Любомира Грабовски привлекает музыка, доносящаяся из старого разбитого дома, который торчит посреди аккуратной улочки, словно гнилой зуб посреди здоровых. Кажется, что в том доме репетирует дуэт или трио, но, подойдя ближе, детектив видит, что все звуки издаёт один инструмент.

Сквозь наполовину разбитое окно можно разглядеть ободранную полусферу, обтянутую кожей, и гриф с натянутыми жилами – не металлическими струнами, это ясно совершенно отчётливо. Пальцы музыканта то зажимают жилы и дёргают их в рваном ритме, то начинают чуть барабанить по корпусу, то скользят по натянутым жилам, порождая бередящие сердце звуки.

Музыканта Любомир Грабовски замечает гораздо позже, когда мелодия стихает. Прежде кажется, что руки и инструмент существуют сами по себе и живут, погруженные в ритм, не нуждаясь в дополнении в виде человека.

Тем не менее, чернокожий старик прекращает играть и улыбается неожиданно ровными белыми зубами, показывая Грабовски, что того заметили.

– Эта песня... – Грабовски чуть покачивает головой в такт ещё звучащим в его сердце звукам, – она совершенна.

– Песня дождя, – кивает негр. – Канга играет песню дождя. Зовёт его. Духи обещали удачу. Слишком часто нельзя играть. Волшебство должно накопиться. В остальные дни Канга играет что-нибудь другое. В дни без путешествий по дорогам духов.

Детектив Грабовски до сегодняшнего дня слышал о шамане Канга совсем немного и ничего из этого не представляло интереса. Шаман, как утверждали очевидцы, постоянно сидит в старом пустом доме, поджав ноги и вперив взгляд в одну точку.

О музыкальных умениях шамана никто ничего не говорил.

– Будет дождь? – спрашивает Грабовски.

– Канга говорит так. Духи говорят так. Человек из потерянной страны чувствует так. Человек из потерянной страны задаёт глупые вопросы.

Шаман чуть пожимает плечами и отставляет инструмент в сторону. В этот момент детектив испытывает приступ разочарования – на сегодня песни закончены.

Вместо инструмента шаман берёт посох. Воображение детектива никогда до этого не пыталось нарисовать посох африканского шамана, но едва Грабовски видит его, как сразу понимает – таким он и должен быть.

Тщательно отполированная палка, чуть раздваивающаяся кверху. На получившейся рогатине привязаны высушенные лапки, комочки шерсти, бусины из смолы, какие-то камни – всякий хлам, который только шаманы и могут считать имеющим ценность. Когда Канга делает несколько шагов, предметы ударяются друг об друга с мерзким, по мнению Грабовски, звуком.

– Духи возмущаются, – говорит Канга, растягивая рот в ещё большей улыбке чем раньше. – Говорят Канга не вмешиваться. Обычно Канга их слушается. Сегодня особый день. Сегодня будет дождь. Он закроет Канга от духов. Человек из потерянной страны скроется в пелене дождя. Мы будем смотреть на мир человека из потерянной страны.

– Меня зовут Любомир Грабовски, – произносит детектив.

Предложение шамана пугает тем, что оно никаким предложением не является. Это и не вопрос, а спокойное утверждение, от которого Грабовски чувствует себя неудобно. Он всегда испытывает смущение в компании уверенных в себе людей и часто компенсирует это агрессией, но сейчас явно не тот случай.

– Грабовски, – произносит шаман, растягивая слово, будто пробуя на вкус. – Любомир, – смакует он. – Противоречие. Как и внутри.

Грабовски не видит противоречий. Он вообще сомневается, что шаман понимает значение произносимых слов.

Канга подходит ближе к окну и делает приглашающий жест, предлагая переступить порог, а затем добавляет уже словами:

– Будем пить пиво. Смотреть мир Любомира Грабовски. Дождь всё скроет. Духи не узнают.

И вновь это не вопрос и не предложение, а констатация факта, который случится совсем скоро. Сил спорить у Грабовски нет. К тому же, он не против посмотреть на свой мир.

Не против и ветер, ведущий тучи к Медине, чтобы они пролились дождём. Не против посох, предвкушающий новые странствия вместо изведанных дорог. Не против Канга, которому скучно и хочется сделать приятное этому незнакомцу, пришедшему на звук музыки.

Однако никто не удосуживается спросить у мира Любомира Грабовски, не против ли он, чтобы на него смотрели...

* * *

Мир Грабовски искривлён, извилист и ни одной картиной не создаёт ощущения нормальности. Первое впечатление от увиденного всегда обманчиво, но в данном случае имеет смысл вести речь о сотнях обманах, вложенных друг в друга. Чем дальше пробиваешься, тем больше понимаешь, что до правды доискаться не получится. Возможно, её попросту здесь нет.

Грабовски сидит с банкой тёплого пива в руке и жадно хватая ртом воздух. Его подташнивает, в горле застрял ком, в ноздрях сладковатый запах сожжённой человеческой плоти, а в глазах ужас сотен тысяч людей.

И причина этого ужаса – князь Грабовски, законный наследник трона Словакии.

Канга сидит рядом. Инструмент вновь в его руках, а посох отставлен в сторону. Музыка, которую играет шаман, далека от совершенства, услышанного детективом ранее – тогда была песня, а сейчас просто какофония с ритмичным повторением одного и того же навязчивого пассажа.

– Любомир Грабовски хочет спросить, – говорит шаман. – Канга не желает отвечать. Духи не желают отвечать. Мир Любомира Грабовски хочет ответить. Любомир Грабовски не хочет слушать свой мир. Или не может.

В настоящий момент Любомир Грабовски не хочет вообще ничего. Он роняет банку – именно роняет, а не выбрасывает. Банка ударяется о деревянный, местами выщербленный пол; брызги оказываются на плаще детектива; из банки неравномерными толчками выплещивается пена.

«Совсем как кровь той девушки, которая назвала тебя кровавым тираном и узурпатором...» – Томаш назойлив, но Грабовски удаётся не думать о недавних картинах. Вообще не думать ни о чём и не вспоминать. Образы увиденного затаились рядом, но они прежде должны прорвать тонкую плёнку, защищающую сознание Любомира. И он продолжает укреплять плотину, перестраиваясь и начиная думать о другом.

Шаман Канга смотрит вслед детективу, который рваной походкой движется к двери и улыбается. Шаману ведомо, что сделанное им правильно, хотя будет иметь ужасные последствия. Это всё сослужит однажды хорошую службу Любомиру Грабовски, но до того детективу придётся страдать. Закон равновесия никому ещё не удавалось обойти.

Если Любомир Грабовски думает, что и без того жизнь ему задолжала, то он ошибается. Изгнание, позор семьи, жизнь в чужом краю на правах не пойми кого – это всего лишь плата за саму сохранность жизни.

Впрочем, духи по-прежнему говорят Канга, что он зря вмешивается, но сейчас идёт дождь и духов почти не слышно. Когда Любомир Грабовски выходит на улицу из полуразвалившегося дома-убежища полубезумного шамана-музыканта, дождь не приносит успокоения, а совсем наоборот – напоминает недавние кровавые картины.

В Словакии часто идут дожди, и ни один правитель не станет откладывать казнь или пытки до наступления тёплой погоды.

* * *

С этого дня жизнь Любомира Грабовски превращается в бегство от несбывшегося.

Он бросается в водоворот расследований, отчаянно рискует и лезет на рожон даже тогда, когда можно обойтись малой кровью. Погружается в ночную разгульную жизнь в стремительных попытках поскорее впасть в беспмятство, потому что кровавые картины возвращаются. Однако пьяным Любомир Грабовски не способен их осмыслить, а значит – этого словно не существует.

Попытки списать всё на пьяный бред – столь частая практика, к которой прибегают бегущие от действительности люди, что, даже когда они спасаются от несбывшегося, всё по-прежнему работает идеально.

Окружающие реагируют на эти перемены в соответствии с собственными убеждениями.

Кто-то, как Док, пытается переубедить Грабовски и вызвать на откровенный разговор. Кто-то, как Шустер, старается максимально корректно сгладить впечатление, а иногда просто не замечать. Рюманов и ему подобные открыто или намёками насмеваются. Множество коллег и знакомых попросту сторонятся, боясь, что чужая обречённость каким-то образом зацепит и их тоже, а значит – есть риск попасть под каток судьбы, мчащийся за Грабовски. И лишь некоторые наблюдают со стороны догадываясь, что происходит, и не желая вмешиваться и останавливать.

Чаще всего они и не знают, как это сделать.

Многим людям кажется, что для решения внутренних проблем необходима остановка. Размышление над причинами, понимание истоков поступков и трезвая оценка ситуации. Эти

люди просто никогда не сталкивались с тем, что пришло на ум Любомиру Грабовски, когда ему показали его мир.

Он бежит, потому что следует быть осторожным с теми секретами, которые ты доверяешь песку, ведь он никогда ничего не забывают.

Стоит только рассказать песчинкам тайну, мечту или нечто, показавшееся возможной реальностью, как этот образ будет преследовать тебя постоянно. Задумавшись, ты не заметишь, как мир вокруг обрастает новыми красками; как перед глазами возникает то, чего ты так долго ждал; как покажется, что всё только начинается и обязательно закончится правильно.

Сделаешь шаг, второй, третий, но вместо желаемого получишь в лицо горсть-насмешку песка. Утрёшься, смахнёшь песчинки, поморщишься, обвинишь себя в излишней доверчивости и ещё долгое время будешь с опаской смотреть на всё вокруг, опасаясь, как бы это не обернулось очередным миражом.

И кто-кто, а Любомир Грабовски знает насколько призрачное несбывшееся заманчивей реальности...

Глава II

Бутылка в сейфе нашлась, однако выпивки в ней оставалось на глоток. Я утешал себя мыслью, что даже если все бары уже закрылись, то в моей квартире всегда найдётся что-нибудь.

Шустер, дожидаясь меня в кабинете. Он молча подождал, пока я допью виски, а затем поставил на стол средних размеров стеклянную банку.

– Что это? – спросил я, не спеша дотрагиваться.

– Посмотри, не бойся. Занятное зрелище. Можешь даже потрясти.

Я нахмурился, но взял банку в руки. Внутри были привычный песок Медины и чёрный, который обнаружился у Дока. Они застыли друг напротив друга маленькими дюнами, словно готовые к схватке скорпионы. Я потряс банку, а затем снова взглянул – да, Шустер был прав, зрелище оказалось занятным.

Несмотря на тряску чёрные и коричневые песчинки не перемешались и даже не соприкоснулись. Вместо этого внутри банки образовалось подобие «инь-янь», если проявить немного фантазии и мысленно достроить линии. Конфуцианец Вон, покинувший город пару лет назад, наверняка бы увидел в том знамение, я же разглядел очередную головную боль в попытках выяснить, что всё это означает.

– Что всё это означает? – адресовал я вопрос Шустеру. – Новый способ не пускать песок в дом?

– Возможно, – он отобрал банку. – Ещё это может заменить калейдоскоп. Трясёшь, и у тебя каждый раз новая картинка.

Шустер встряхнул банку и полюбовался на происходящее. В этот раз получилось нечто похожее на таблетку с полосой, проведённой посередине.

«Разрез под отвёртку» – когда-то я слышал такую фразу, хотя до сих пор не мог представить, как и зачем сочетаются отвёртка и таблетка. Если только речь не об одноимённом коктейле и утренних последствиях.

– И всё же, – я поморщился. Выпивка не успокоила, а вызвала новый приступ головной боли. – Что это означает?

– Без понятия. Возможно, записи Дока смогут что-либо прояснить, хотя я и сомневаюсь. Пока тебя не было, я просмотрел их мельком, но ничего дельного не обнаружил. Док рассуждает о городе, людях и о песке, разумеется. Обычном, не чёрном. С таким же успехом он мог жить в Святом Петрославле и рассуждать о пепельном снеге... Кстати, как прошло у барона?

– Отвратительно. Он уже в курсе, что Док мёртв. И, разумеется, Рюманов что-то недоговаривает. Он будто ждал меня, а вёл себя при этом, как всегда...

– ...Экстравагантно?

– Мягко сказано. Что я точно могу сказать: письмо не вызвало у барона удивления, а про чёрный песок он вскользь заметил, что его подобное увлекает, – я договорил и скривился.

– В общем, ты не узнал ничего, – Шустер, судя по тону, и раньше не особо верил в эту затею.

– Лишь уточнил, что Перун советует вытягивать, пусть даже по капле, человечность из обладателей механических протезов, – я потянулся. – А если не получается, то относиться к ним, как к бездушным тварям.

– Док не был похож на бездушную тварь, – после паузы заметил Шустер.

– Ты это знаешь, я это знаю, большинство жителей Медины, подозреваю, тоже так или иначе в курсе. Но вот за Рюманова не поручусь. Этот всегда себе на уме.

– Мне кажется, или в тебе говорит застарелая обида?

Я улынулся и покачал головой. Потом отобрал банку и принялся трясти её, глядя на меняющиеся картинки. Шустер прав – это действительно походило на калейдоскоп, но главная притягательность была в ощущении смерти, притаившейся где-то рядом. Напряжение, словно электрический заряд, пролегло между двумя горстками песка.

Смерть и разрушение – это всегда красиво, если происходит в каком-нибудь абстрактном мире, который тебя абсолютно не волнует. Например, в обычной стеклянной банке.

– Собираешься всю ночь провести за этим занятием?

– Думаю, стоит поговорить с убийцей. Я уже достаточно остыл, чтобы не начать допрос с удара по морде.

– Подозреваю, что у тебя ещё возникнет это желание, – Шустер встал, как всегда элегантно и тягуче, словно двигалась песчаная дюна. – Пойдём, тебя ожидает любопытное зрелище.

– А мне казалось, что на сегодня лимит исчерпан, – заметил я, поднимаясь со стула.

Жёлтая и чёрная песчаные фигуры внутри банки замерли в очередной патовой ситуации, но теперь до них никому не было дела.

* * *

Убийцей оказался гигантский лысый мужчина в огромных ботинках, штанах с подтяжками и простой белой футболке, испачканной засохшей красной жидкостью —язык по-прежнему не поворачивался назвать это кровью. Сидевший за решёткой гигант походил на борца или лесоруба. Хотя вокруг Медины была только пустыня, я подумал, что в прошлой жизни убийца вполне мог оказаться тем или другим.

В прошлой жизни у каждого из нас полно секретов. Раскуроченное нутро Дока, оказавшегося наполовину механизмом, тому свидетель.

– Отпечатков пальцев нет в нашей базе, фотографии нет в картотеке, никаких документов при нём не нашли, а собственное имя он называть отказывается. Он вообще очень странно отвечает на вопросы, – сказал Шустер.

– Но в полицию всё-таки позвонил он, правильно?

– Да, Бобби Ти опознал голос.

– А толстяк запомнил, что конкретно сказал убийца?

– Ты недооцениваешь Бобби. Он записывает всё, что говорят по телефону. Любой бред и ахинею.

– Я не удивлён, – сказал я, изучая убийцу, который так и не переменял позу, с момента, как мы подошли к камере. Всё сидел, положив руки на колени, и смотрел в стену, словно скульптура. Если бы он не моргал, я, пожалуй, решил бы, что передо мной манекен. – Так что он сказал?

Шустер на мгновение прикрыл глаза, а затем произнёс, выделяя каждое слово: «Я. Убил. Дока. Вырвал. Ему. Сердце». Во время этой фразы кончики пальцев убийцы чуть дрогнули, но я успел это заметить.

– Обязательно напускать столько драматизма?

– Бобби Ти утверждает, что между словами были огромные паузы.

– Лучше бы они были у него в еде, – я поймал укоризненный взгляд Шустера. – Сегодня все сговорились давить мне на совесть?

– Нет, дави на неё сам, Любо. Я просто хотел напомнить, что твой юмор порой слишком злой, а смеха не вызывает.

Я сплюнул на пол, поморщился и подошёл к решётке – из камеры пахло нечищеным сортиром, сыростью и тленом. Убийца не отреагировал на мой приближение, продолжая сверлить стену взглядом.

– Эй! – позвал я. – Спящий гигант, поговори со мной.

Молчание. Ровное дыхание убийцы. Насмешливый взгляд Шустера, подразумевающий одну из вариаций фразы «я же говорил». Моё собственное раздражение, готовое выплеснуться наружу.

– Слушай сюда, урод. Можешь не отвечать, но я знаю, что ты меня слышишь. Ты убил очень хорошего человека. Плевать на то, что у него было внутри, но для меня он был именно человеком. Одним из лучших в этом поганом городе. И я хочу знать: сам ты додумался до этого, или тебе кто-то подсказал?

Вновь молчание. Шустер стоял у соседней камеры, как бы показывая, что не хочет мешать разговору. Раздражение внутри меня сменилось безразличием. Перемена была столь неожиданной, что я и сам не сразу её осознал.

– С тем же успехом я мог бы разговаривать с песком, – пробормотал я в сторону Шустера, но ответил убийца.

– Песок, – прошептал он с придыханием. – Шуршит. Тихо-тихо. Шуршит. Песок. Тихо.

– Итак, ты разговариваешь. Что-нибудь ещё?

Вновь молчание. Я нахмурился и произнёс вопросительно:

– Песок?

– Шуршит. Тихо-тихо, – поддакнул убийца.

– Вы можете выступать в цирке, – Шустер похлопал меня по плечу, неуловимым движением оказавшись рядом. Иногда эта его «тягучесть движений» здорово пугала даже меня. Вот и сейчас я слегка вздрогнул, а Шустер, как мне показалось, улыбнулся. – Правда, вам придётся доплачивать зрителям, чтобы они на это смотрели.

– Вспомни, что ты говорил о моём чувстве юмора, и верни себе в стократном размере.

– Туше.

Я догадывался, что большего от убийцы не добьюсь. Ему явно прочистили мозги – вряд ли настоящий убийца (тот, кто всё задумал и организовал) не позаботился о том, чтобы стереть следы в памяти этого уродца.

– Ты прав, это было любопытное зрелище, но с меня хватит.

– И чем думаешь заняться сейчас? Выспаться? На мой взгляд, сон тебе не помешает.

– Если бы убили кого-нибудь другого, то я бы так и сделал, но из уважения к Доку наведу ещё к остальным адресатам писем. Буду играть в тупого патрульного. Думаю, сейчас у меня это неплохо получится. Теперь-то у нас есть фотография этого дровосека? Я буду показывать её и спрашивать: «Видели ли вы этого человека?»

– Сомневаюсь, что из этого выйдет что-то путное.

– Может да, а может и нет, – я пожал плечами и поморщился: в голове стрельнуло вспышкой боли. – Нужно что-то делать. Я покажу им фотографию, ты распорядишься, чтобы такие же развесили на улицах. Возможно, кто-то на это клянет. Бумаги Дока оставим на потом, а чёрный песок отдай криминалистам.

– Хорошо. Но перед этим хочу тебе сказать кое-что ещё: медики, осматривающие тело Дока, пришли к выводу, что он бы и сам долго не протянул. Старик уже начал гнить изнутри. Помнишь тот запах на вокзале?.. Месяц-два, и он умер бы сам.

– Пусть так, но ему помогли, и я хочу знать, кто это сделал.

Шустер некоторое время сверлил меня взглядом из-под тёмных очков, но затем нехотя кивнул, как бы говоря – ты знаешь, что делаешь.

Мне бы хотелось обладать хоть частичкой подобной уверенности. В тот момент я ощущал себя, как желторотый новичок, бросающийся из крайности в крайность, однако я должен был делать хоть что-то. В противном случае я потерял бы уважение к самому себе.

В сущности, кроме Шустера, Док был единственным, с кем я чувствовал себя настоящим. И у меня не было права разбрасываться подобными ощущениями и памятью о них.

* * *

Я поймал Рабби Шимона возле дверей его гостиничного номера. Отворил без стука, благо оказалось не заперто, и взглядом упёрся в сутулую старческую фигуру с чемоданом, похожим на огромный кошель. Рабби отпрянул, прижимая к груди пожитки. Я почувствовал ярость и оттолкнул его ещё дальше, заставив приземлиться на стоящий неподалёку стул. Чемодан Рабби так и не выпустил.

Нам явно предстоял тяжёлый разговор. Если среди ночи совершается убийство, а один из подозреваемых собирается сбежать... даже моих пьяных мозгов хватало, чтобы сопоставить очевидное.

Я встал около двери, перекрывая единственный путь к бегству – старикан выглядел запуганным, но ещё не настолько отчаявшимся, чтобы выпрыгивать из окна. Песок только с виду кажется мягким, и падение с третьего этажа закончилось бы для Рабби плачевно, если только адепты Каббалы не освоили левитацию. Впрочем, в таком случае Шимон уже давно включил бы это в программу своей еженедельной проповеди на улицах Медины.

– Куда-то собираетесь, Рабби? – спросил я. Даже не пришлось стараться, чтобы в голосе прозвучала подозрительность.

– Прочь, детектив! Я собираюсь прочь. Подальше от этого города, от этих людей, от вас, от песка... – последнее слово Шимон произнёс с отвращением. Я понял, что Рабби не только напуган, но и взбешён. – Что вам надо?

– Помилуйте, Рабби, это я вас должен спрашивать. Сегодня один из старейших и уважаемых жителей Медины гибнет, на его столе я нахожу письмо, адресованное вам, а оказывается, что вы собираетесь исчезнуть из нашего прекрасного города. Может быть, всё-таки стоит объяснить своё поведение?

– Кто погиб?

– Док.

– Я так и думал, – Рабби кивнул. – Можете мне не верить, детектив, но я почувствовал, что произошло нечто ужасное. Ужасное настолько, что оно могло послужить началом для других ужасов. Потому-то я и решил, что мои дела на этой грешной земле закончены. Никто и никогда не постигнет здесь настоящего бога. Все только и могут насмеяться и больше ничего, – Шимон покачал головой, прижал чемодан к груди и с тоской посмотрел в окно.

– Ничего не хотите сказать о письме? Внутри всего одно слово: получилось.

– Не важно, – Рабби поморщился. – Это совсем не важно, детектив. Поверьте, вам не стоит об этом задумываться для вашего же блага. Просто живите среди всего этого песка, как делали раньше. Просто живите, не задумываясь о том, зачем он здесь. Просто живите, – повторил он и замолк, поджав губы.

– Дался вам этот песок! Уж не намекаете ли вы на то, что это песок убил Дока? – Злость во мне не просто усилилась, она достигла предела. – Что это песок вырвал его сердце? Что это песок превратил уважаемого жителя Медины в месиво, от которого даже издававшие виды люди приходят в ужас?

– Я старый больной человек, – Рабби Шимон действительно выглядел именно так. – Мне незачем врать, но я и не собираюсь рассказывать ничего такого, что могло бы навлечь на меня чужой гнев. Я просто хочу скорее выбраться отсюда. Как только я окажусь вне этого

городишки, то с удовольствием отвечу на ваши вопросы. Могу оставить телефонный номер, по которому со мной можно связаться.

Злость схлынула почти так же быстро, как и подступила. Вместо неё пришла растерянность и опустошение. Рабби Шимон – убийца Дока? Я слышал, что эти двое встречались едва ли не через день. И все утверждали, что они дружны. Если принять это на веру, то можно предположить, почему Рабби испугался.

«Почувствовал, что случилось что-то ужасное», – так он сказал. Как можно это почувствовать?

Мысли ворочались в мозгу – тяжёлые, неповоротливые. Словно человечки, вертевшие шестерёнки, выдохлись и теперь старались из последних сил. Компания Рабби навевала тошнотворную скуку. Вдобавок, я ощущал, что старикан говорит правду. Возможно, это была всего лишь доля истины и самая простая её часть, но не явная ложь, это уж точно.

И, тем не менее, я чувствовал, что вокруг идёт крупная игра, а до меня доносятся только слухи и общие слова, отражающие лишь избранные картины реальности.

– Вам знаком этот человек? – я показал фотографию убийцы, но Рабби лишь скользнул по ней взглядом и уставился куда-то мне за спину. – Понятно. Желаете хранить молчание.

Пройдя мимо Рабби, который ещё крепче прижал к себе чемодан, я выглянул в окно. Внизу кружил небольшой песчаный смерч, трепавший обрывок газеты.

– Оставайтесь пока в городе, Рабби, – сказал я, не отрывая взгляд от окна, но зная, что старикан слушает. – Как только обстоятельства смерти Дока будут прояснены, можете делать, что хотите. Но сейчас – считайте это приказом.

Я прошёл через крохотную комнату и закрыл за собой дверь, оставив Рабби обнимать чемодан. Мне не хотелось оборачиваться, потому что открывшееся зрелище было бы слишком... жалким.

Благодаря Томашу Хубчеку – моему несостоявшемуся камердинеру, дворецкому, советнику, наставнику и прочее – я больше пятнадцати лет наслаждался подобным зрелищем.

* * *

Я отошёл от гостиницы, в которой жил Рабби, метров на пятьсот и остановился, почувствовав себя взбешённым и восхищённым одновременно.

Точно такое же восхищение мне не раз доводилось слышать в полицейском участке, когда я беседовал с доверчивыми простаками, попавшимися на удочку мошенников. Они негодовали, топали ногами, призывали наказать виновных, но вместе с тем в голосе слышалось то самое: «Ну как он меня сделал, а?»

Старый сукин сын, Рабби Шимон сделал меня, без сомнения. Не знаю, как именно, и, подозреваю, не узнаю никогда.

Я ведь хотел вытрясти из него всё. Он выглядел подозрительно, вёл себя подозрительно, знал много больше, чем говорил, а я... просто оставил его одного. Предупредил, угрожал, но что с того? Если Рабби действительно собрался бежать, то ему мои угрозы – растереть и выбросить.

– Мы ещё не закончили, Рабби, – прошептал я, усмехнувшись.

Впрочем, за усмешкой не стояло ничего конкретного, а слова не соответствовали истине.

Я повернулся и прошёлся в обратную сторону. На небе светила луна, и я старался держаться в тени домов. Дойдя до гостиницы, увидел, что в окне Рабби горит свет, обрисовывая невысокий силуэт.

Подкравшись ближе, я разглядел, что это действительно Рабби, если только он не обзавёлся братом-близнецом или двойником. Старик смотрел на улицу недвижимо и молча. Я же изучал его минут пять, размышляя, что делать дальше.

Вернуться и арестовать Рабби? Это выглядело логично, но так я терял время. Собираясь действовать по горячим следам, а они и без того почти остыли. У меня была ещё одна встреча, и, провозившись с Рабби, я рисковал не застать Легбу сегодня.

И всё же не стоило так просто оставлять это. Я понадеялся, что мне повезёт, и решил вызвать патрульного от Легбы. Ночь за решёткой поможет старику ответить на мои вопросы утром. Если ответы меня удовлетворят, то я позволю ему вернуться в гостиницу.

А вот проваливать на все четыре стороны только после того, как убийца Дока отправится на виселицу. Смертную казнь в Медине, к счастью, не отменили, как бы на том не настаивала «широкая общественность». В противном случае убийце пришлось бы совершить попытку к бегству, чтобы после оказаться застреленным за сопротивление при аресте.

Я двинулся к Легбе, оставив Рабби за спиной. Что он пытался рассмотреть в ночной улице я не знал, но прекрасно представлял, что можно в итоге там увидеть. Когда живёшь в Медине, то выучиваешь все типы миражей.

* * *

Стрип-бар «Запах мамбо» встретил меня клубами табачного дыма и сотней запахов, среди которых преобладали ароматы рома и потных тел.

Будний день и половина третьего ночи – не время для аншлагов, потому внутри оказался лишь с десяток полупьяных посетителей. И не все из них могли сфокусировать взгляд на сцену, где отплясывала обнажённая мулатка. Судя по скупым движениям девушки, она либо очень устала, либо понимала, что сегодня стараться не для кого. Только бледный толстяк ещё крутился у сцены и пытался подбодрить танцовщицу. Словами, но не монетой.

Я прошёл к стойке, заказал рюмку водки и проглотил залпом, едва её поставили на лакированную поверхность. Вкуса не почувствовал, лишь ощутил, как в голове чуть прояснилось. Я знал, что эффект будет недолгим, и надеялся, что этого хватит для связного разговора с Легбой.

Но перед этим я взял телефонный аппарат со стойки, набрал номер управления и сказал дежурному отправить пару человек к Рабби Шимону. Пусть проследят, чтобы он никуда не исчез и задержат при попытке покинуть гостиницу.

Кивнув бармену, я положил рядом с рюмкой пару монет и двинулся в неприметную, почти сливающуюся со стеной дверь рядом со стойкой. Здоровенный негр-охранник пытался меня остановить, но узнал, усмехнулся белоснежной улыбкой и отошёл в сторону. К счастью или к несчастью, однако мне каким-то образом удалось заслужить расположение Легбы, благодаря чему была надежда, что я не окажусь на улице до того, как закончу задавать вопросы.

Едва я прошёл через тесный маленький коридор и добрался до комнаты Легбы, как стало понятно, что время выбрано неподходящее. Улыбка охранника у входа имела скрытый подтекст.

На «леопардовом» диване (уверенности, что это лишь имитация шкуры у меня не было) сидел огромный обнажённый негр. Полузакрыв глаза и постанывая от удовольствия, миниатюрная блондинка двигалась на нём вверх и вниз. Груды девушки колыхались в такт движениям, по щеке скользила бисеринка пота, а губу блондинка чуть прикусила. Негр смотрел в потолок и шумно дышал в такт фрикциям.

Блондинка громко застонала, округлила рот и широко распахнула глаза. Заметив меня, она остановилась, а затем в затуманенных похотью зрачках проступил проблеск разума.

– Дерьмо. Грабовски, ты не вовремя, – сказала она.

– Мне подождать, пока ты закончишь?

– Нет уж, останься...

Легба поморщилась, встала и принялась собирать разбросанную по дивану одежду. Заметив, что негр продолжает сидеть недвижимо, блондинка повернулась к нему:

– Уйди, ты мешаешь.

Сонливость мигом слетала с негра, он подскочил, быстро подобрал шорты и футболку, а после прошёл мимо, одарив улыбкой.

– Что тебе надо?

Легба уже оделась, но плотная, облегающая тело майка вкупе с короткими штанами мало что скрывали. Вдобавок, в мой затуманенный мозг проник запах, витавший в воздухе, – секс, похоть и, возможно, благовония.

– Ты пришёл лишь для того, чтобы заменить его? – с усмешкой спросила хозяйка бара, заметив взгляд. – Или у тебя действительно важное дело, Грабовски?

– Убит Док, – я очнулся от наваждений. – Убит каким-то зомбированным лысым гигантом в костюме лесоруба.

– Он его зарубил?

– Нет, вырвал сердце, – что именно заменяло Доку сердце, я решил пока не сообщать. – Потом убийца вызвал полицию, а теперь молчит и лишь сообщает, что песок шуршит. Тихо.

– Очень полезная информация, – по тону сложно было определить, издевается Легба, шутит или пытается говорить серьёзно. Последнее было маловероятным, но я решил не сообщать, что шутка вышла так себе. Не мне оценивать чужой юмор, и уж точно не сегодня.

– Вот и я так думаю, – достав из кармана плаща фотографию убийцы, я перекинул её сидящей на диване Легбе. – Никого не напоминает? Может быть, заходил к вам? Типаж подходящий для стрип-бара.

– Может и заходил, – Легба пожала плечами. – Думаешь, я знаю в лицо всех посетителей? Я отдам фото парням, они поспрашивают. Если что-то станет известно, то я тебе сообщу.

– С чего бы такая законопослушность?

– Ты обвиняешь меня в этом, Грабовски? Ха! Никогда бы не подумала, что детектив полиции будет обвинять меня в законопослушности!

Хихиканье Легбы выглядело несколько наигранным, но я не воздержался от комментариев. Прощёл к стоявшему неподалёку столу, подхватил бутылку рома из приткнувшегося там мини-бара и сделал глоток, не тратя время на поиски стакана.

– Док написал тебе письмо, – сказал я, не отпуская бутылку.

– И что же было в том письме?

– Одно слово: получилось. Я надеялся, что ты мне расскажешь, что это значит.

Она одарила меня взглядом, который приблизительно можно было истолковать как: «Ты, конечно, хороший парень, но не настолько, чтобы я делилась с тобой секретами». Затем Легба встала, подошла ближе, отобрала у меня бутылку и сделала несколько глотков.

Когда она оказалась рядом, возбуждение вновь нахлынуло. Я стоял и не мог оторвать взгляда от того, как вздымается грудь при каждом глотке. В голове промелькнули картины недавних событий на леопардовом диване. Захотелось протянуть руку и сжать сосок, а затем повалить Легбу на диван и... Позже я возблагодарил собственное замутнённое состояние – когда мысль окончательно оформилась, Легба уже отошла. Что-то в её вскользь брошенном взгляде намекнуло, что она догадывалась о моих мыслях и даже жалела, что они не стали реальностью.

– Что-то ещё хотел, Грабовски? – Я редко понимал намёки, но этот был откровенней некуда.

– Нет. Если понадобится какая-либо информация, то тебя вызовут для допроса, – мне самому стало тошно от этих слов, но казённые фразы отлично помогают, когда не знаешь, что сказать.

– Зачем же вызывать? Ты заходи ещё, Грабовски, – Легба растянулась на диване. – Заходи, поговорим, выпьем, прекрасно проведём время. Ты же знаешь, здесь тебя не обидят.

– Насчёт этого у меня нет уверенности, – пробормотал я искренне, затем нелепо взмахнул рукой, прощаясь, и вышел.

В спину донёсся смешок, наполненный сожалением.

Вновь окунувшись в прокуренный воздух, я оказался в баре. Танцовщица уже ушла, и те из посетителей, кто мог передвигаться самостоятельно, потихоньку собирались домой. Остальных вполне вежливо будили охранники и выпроваживали на улицу. Возможно, кто-то из них станет жертвой внезапно налетевшей песчаной бури, но работников бара это не волновало. Их территория ответственности заканчивалась за порогом, а там уже каждый должен был сражаться в одиночестве.

Я размышлял над последними словами Легбы, и в очередной раз пытался понять, чего же больше в её предложении – искреннего интереса или желания привязать к себе детектива полиции. Наверное, одно, второе и ещё что-нибудь из третьего и четвёртого.

* * *

Шурх-шурх», – шептал песок, растекаясь волнами по улицам Медины. В наступившей ночной тиши песнь ветра была еле уловима, но едва поймашь ритм, и уже не оторваться.

Возвращаясь домой, я вспомнил историю, которой было лет десять, если не больше. Один из тех эпизодов, который сначала прячется в глубинах памяти далеко, а после вдруг его выносит на поверхность.

Десять лет назад я только приехал в Медину и ещё не представлял себе, кто такой Док, считая его кем-то вроде городского сумасшедшего. Милый старик, общительный, похож на доброго дедушку из сказки.

В сущности, в каждом городе есть такой. Но даже добрые дедушки оказываются не теми, кем кажутся в месте вроде Медины.

В тот день, когда произошла история, я сидел в своей любимой кофейне, дожидаясь, пока Ахмед – владелец и бариста – достанет турку из песка. Док расположился неподалёку, через столик, и читал газету. В какой-то момент в кафе вошёл новый посетитель, и я повернулся, чтобы его рассмотреть – незнакомцы представляли для меня интерес, поскольку я сам был чужаком в этом городе.

Вошедший ничем не выделялся на первый взгляд – плечистый, но невысокий, с морщинистым лицом, но при этом не выглядящий старым. Карие глаза незнакомца смотрели настойчиво и вроде бы даже с улыбкой. Бурый плащ, первоначальный цвет которого невозможно было различить, почему-то оказался весь в мелких прорехах.

Проходя мимо меня (я сидел ближе всех к входу), незнакомец чуть кивнул в приветствии и вроде бы даже слегка подмигнул. Удивившись внезапному дружелюбию, я запоздал с ответным кивком, и тот пропал втуне – вошедший к тому времени повернулся спиной.

На секунду пришлось отвлечься – Ахмед принёс кофе, и пока он ставил крохотную чашечку на столик, перекрыл мне обзор. Когда же хозяин заведения отошёл в сторону, я увидел, что незнакомец сидит напротив Дока. Мне по-прежнему была видна только спина странного посетителя, но вот лицо Дока я мог наблюдать совершенно отчётливо.

Старик улыбался.

Морщины на лице разгладились, в глазах плясали искорки не то гнева, не то веселья; указательным и большим пальцем Док словно растирал что-то микроскопическое. Мелкую песчинку или хлебную крошку.

В кофейне стояла тишина, нарушаемая лишь шумом песка, бросаемого в окно ветром. Тем удивительней оказалось понимание, что двое сидящих друг напротив друга ничего не говорят. Постепенно не только я, но и все остальные посетители сосредоточили внимание на этой странной паре.

Ничего не происходило, но в воздухе нарастало напряжение. Оно сгущалось подобно туману и вдруг стало трудно дышать. Когда я потянулся к чашке, то прошло, как мне показалось, не меньше минуты, прежде чем пальцы обхватили фарфор. Мне подумалось, что если я попробую приподнять чашку, то это усилие убьёт меня.

А затем Док вдруг засмеялся – хрипло и прерывисто, почти переходя на кашель, стуча по столу и периодически взвизгивая. Казалось невероятным, что все эти звуки издаёт один и тот же человек.

Отсмеявшись, Док встал, расплатился и, медленно ступая, прошёл к двери. Когда она скрипнула, напряжение, витавшее в воздухе, схлынуло разом. Я помню многоголосый встревоженный хор на разных наречиях, и я помню свой голос в этом хоре. Мы все какое-то время только и могли, что радоваться наступившему спокойствию.

Однако, когда через пару минут встревоженный Ахмед подошёл к незнакомцу, так и сидевшему за столиком, и тронул его за плечо, тот сполз со стула и упал на спину. Странный посетитель смотрел мёртвыми карими глазами в потолок, не дышал и продолжал улыбаться...

Позднее, через пару лет, когда я уже работал в полиции, то спросил Шустера о том случае. Меня интересовало, почему Док ушёл от наказания. Он ведь был причастен к этой смерти, не было никаких сомнений.

– Он спасал себе жизнь, – ответил Крополь и зевнул. – Тот парень был убийцей. Не понимаю, кто его подослал, но целью явно был Док.

– Убийцей – удивился я. – Каким ещё убийцей? Этот парень даже оружия при себе не имел.

– Убийца-гипнотизёр, – совершенно серьёзно ответил Шустер. – Большой профессионал. Силой взгляда заставлял людей поверить в то, что у них разрывается сердце. Мы ничего не могли ему предъявить – сам понимаешь, никаких доказательств просто не оставалось. Хорошо, что Док его прикончил.

В тот раз я не поверил Шустеру. Слишком дико и анекдотично выглядела эта история. И слишком странно, даже для Медины. Куда больше походило на попытку подшутить над новичком.

Сейчас, после убийства Дока, я всё больше и больше склонялся к тому, что случай в кафе Ахмеда был не так уж прост. Неизвестно, кому нужно было покушаться на жизнь Дока и как именно старик проделал тот трюк, но он был не так прост, как порой казался.

Интересно, сколько ещё покушений было за те десять лет? Может быть, и раньше Дока пытались убить, а мы просто не замечали. Может быть, это всё звенья одной цепи...

Как бы там ни было, но я чувствовал, что сегодняшней день – лишь начало. Если не знаком с правилами чужой игры, то самое разумное – заставить остальных играть по твоим и в твою. Вот только для этого надо обладать желанием и силой, а ни того, ни другого у меня в данный момент не было.

«Шурх-шурх», – продолжал шептать песок, и я искренне желал, чтобы он, наконец, заткнулся.

Интерлюдия: Рабби

Природный песок – это мелкие частицы, образованные вследствие разрушения осадочных пород.

Здесь есть один факт, который многие склонны упускать из виду – речь о разрушении. Оно является прямой причиной возникновения песка, и оно же, если так можно выразиться, у него в крови.

В Медине никогда не стоит забывать об этом.

Рабби Шимон

Рабби стоит у окна и наблюдает за исчезающей вдалеке фигурой Любомира Грабовски. Детектив идёт нервно, изредка останавливается и в задумчивости смотрит на песок, словно желая его пнуть.

Рабби Шимон сочувствует детективу. Тот, должно быть, впервые столкнулся с тем, с чем сам Рабби имеет дело уже не первый десяток лет – со странностью всей жизни в Медине. Большинство не задаёт никаких вопросов и не обращает внимания на несуразности, вылезающие на каждом шагу. Но большинство вообще никогда не отличается наблюдательностью.

В Медине каждый видит ровно то, чего ему больше всего хочется – всё остальное остаётся в стороне от восприятия. И именно поэтому следует как можно скорее оказаться подальше, чтобы увидеть картину целиком.

Смотреть издали, на безопасном расстоянии, и позволить истории случиться самой, – этот урок Рабби усвоил ещё в детстве.

* * *

Когда-то давно, когда ему было раз в шесть меньше лет, чем сейчас, Рабби точно так же стоял у окна и смотрел, как соседская собака играет во дворе с детьми. Им было радостно и весело, дети бросали мяч, а собака приносила его, чтобы он вновь полетел как можно дальше.

Мячу изрядно досталось от клыков, собачье слюны и грязи, которая налипла, пока он катился по земле, но дети не обращали на это внимания. Точно так же они не замечали силуэт Рабби, застывший возле окна.

В детстве его замечали в основном взрослые. Они делали это, когда старались противопоставить трудолюбивого, знатного и умного Рабби остальным. Поставить в пример...

Дети ненавидели Рабби за этот «пример» и старались не обращать на него внимания. Когда это не удавалось или когда им хотелось обидеть кого-нибудь слабого, они «играли с Рабби». Несколько подобных игр имели последствия куда серьёзней, чем ссадины и синяки.

Поначалу Шимон ненавидел других детей за это, а взрослых за то, что они постоянно стравливали его со сверстниками своими «примерами». Ненавидел и боялся. Однако в скором времени он пришёл к выводу, что и то, и другое чувство на самом деле ложные. Куда выгоднее и проще стать незаметным. Вычеркнуть себя из жизни других.

В тот день, когда Шимон стоял и наблюдал за тем, как дети играют с собакой, ему казалось, что всё получилось, а потом он понял, что теперь ненавидит самого себя – за трусость. Ненавидит и боится, что это навсегда.

* * *

Вернувшись в настоящее, Рабби чувствует, как исчезает покров, позволявший оставаться незаметным. Нет никаких сомнений, что Грабовски вернётся – это лишь вопрос времени. Он придёт и будет задавать новые неудобные вопросы, на которые у Шимона слишком много вариантов ответа.

Рабби так и не решил, что именно рассказать детективу. Ни одна из версий не удовлетворит того полностью, а потому лучше всего переложить эту проблему на чьи-нибудь плечи. На того, кто сможет это сделать бесстрастно и спокойно.

Или на ту.

Рабби убеждается, что фигура Грабовски уже не более чем одинокая чёрная точка, и облегчённо вздыхает, вытирая об штаны влажные от пота ладони.

Детектив не счёл Рабби опасным. В очередной раз Шимона спасло безжалостное общественное мнение.

Маленький сухонький старик, до которого никому нет дела. Он занимается каббалой, но что это такое, сказать никто точно не может. Да и сам Рабби не может. По крайней мере так, чтобы люди поняли.

Он отлично знает, как выглядит со стороны и какое производит впечатление, и порой не прочь этим впечатлением воспользоваться.

Рабби аккуратно задвигает под кровать сумку, которую держал в руках, когда зашёл Грабовски, а взамен вытаскивает другую. Всего лишь маленькая предосторожность, которой Рабби воспользовался, когда почуял скорый приход детектива.

Внутри сумки лежат аккуратно уложенные вещи и билет на ночной рейс из Медины.

Рабби Шимон вновь выглядывает в окно и чувствует, что Грабовски где-то рядом. Он вернулся и кружит неподалёку. Рабби ощущает сомнения, которые одолевают детектива и позволяет им усилиться. Заодно он вновь укрепляет веру Грабовски в то, что Рабби Шимон не представляет опасности. За пять минут наблюдения лишь вездеход проплывает по улице и скрывается в ночной тишине, чтобы более не вернуться.

Грабовски тоже уходит, захваченный новой идеей и принятым решением. Рабби не знает, что это за решение, но чувствует, что времени у него немного.

Подхватив нужную сумку, Рабби спускается по лестнице. Едва он оказывается на первом этаже, как за спиной раздаются шаги. Рабби оборачивается и видит пожилую китайку, которая, склонив голову чуть набок, внимательно наблюдает за ним. Встретившись с ней взглядом, Рабби улыбается.

– Уходишь? – спрашивает китайка. – Куда?

– Юнь, я... не могу сказать. Может быть, потом ты узнаешь сама.

Она пожимает плечами и продолжает стоять и смотреть. Тонкая и костлявая, словно цапля, внимательно изучает его птичьими, чуть навывкате глазами. Рабби понадобилось несколько лет, чтобы привыкнуть к этому взгляду. Ещё через какое-то время Шимон даже стал находить его очаровательным. Последнее, по его собственному мнению, значило то, что на старость лет он сделался излишне сентиментальным.

– И ещё, – говорит Рабби, – когда я уеду, снова придут из полиции и будут задавать вопросы. Скорее всего, тот же самый человек, что и сегодня – детектив Грабовски. Ты можешь рассказать ему всё.

Китайка не меняется в лице, хотя Рабби ощущает, что она испытывает серьёзные сомнения, стоит ли рассказывать действительно всё...

– Когда придёт Грабовски, покажи ему всё и расскажи, если он спросит, – повторяет Рабби.

– Ты уже говорил.

Чуть вздёрнутая бровь – единственный жест, который Юнь себе позволяет. Большая часть людей подумала бы, что это выражение удивления или же скепсиса, но для Рабби этот жест говорит: «Я знаю, что ты волнуешься. Я знаю, что ты не хочешь уходить, но уважаю твой выбор. Я сделаю всё так, как ты сказал. Исполню в точности. Ты можешь на меня положиться, и ты это знаешь. Чего ты ждёшь? Долгих прощаний?»

Рабби хмыкает, и звук угрожающе звенит в тишине, нарушаемой лишь шуршанием песка. Он слишком долго знает Юнь, а она, в свою очередь, слишком долго знает его. Человек, который лучше всего в мире умеет наблюдать, чтобы увидеть сокровенное, и та, которая молчит так, словно рассказывает при этом величайшие тайны мира. В другое время, в другой жизни или в другой стране они могли бы стать кем-то большим. Любовниками, настоящими друзьями или даже мужем и женой.

В Медине они – хозяйка гостиницы и постоялец, которые знают друг друга пятнадцать лет с того самого момента, как Рабби Шимон приехал в этот город.

– Я рад, что узнал тебя, – шепчет он и направляется к дверям, успев заметить, как губы китаянки шевелятся в безмолвном прощании.

Пятнадцать лет прошло, а он так и не нашёл того, что искал, потому что всё время был не там и не тогда. А теперь...

А теперь он знает, куда отправляется, но пока не может предположить, что его там поджидает. В другое время Рабби Шимон расстроился бы из-за этого, но сейчас его радует сама мысль, что через несколько часов он окажется далеко от Медины.

От города, который так ему и не покорился...

Глава III

В ту ночь я ворочался, собирая простынь в ком, и видел сны-вспышки. Они оказались настолько однообразны, что либо в этом был тайный смысл, либо я свихнулся.

Во снах приходил Док с развороченной грудной клеткой; с застывшим механическим протезом, приводящим в движение сердце; с приклеенным к лицу выражением крайнего удивления. Он заходил в квартиру, доставал бутылку виски из рассованных то тут, то там запасов (очень удобно, можно постоянно радоваться внезапной находке), и, когда Док начал пить, я видел, как жидкость перетекает у него внутри и, в конце концов, заканчивает свой путь в мочевом пузыре. Тот пульсировал голубоватым светом, что в ночной тьме смотрелось дико и пугающе. На этот свет слетался песок, облеплял Дока и впитывал в себя жидкость.

Реальность, разумеется, оказалась куда понятней – мне просто хотелось помочиться. Но пришлось просмотреть повторяющийся сюжет раз пять или шесть, чтобы осознать это.

После похода в туалет я понял, что уже не усну. Вдобавок разболелась голова, и я проглотил пару таблеток цитрамона, запив их водой.

За последние три или четыре месяца это было едва ли не первое утро, которое началось для меня не с рюмки.

«Что-то изменилось, – сказал я сам себе. – Что-то изменилось в тебе, в остальных, в Медине. Что-то, что стало причиной смерти Дока слегка накренило ось вращения мира, и изменения теперь будут лишь нарастать».

Эта мысль подействовала на меня, как удар в челюсть. Сначала ошеломление, а затем долгая ноющая боль. И вместе с тем появились два равнозначных по силе, но направленных в разные стороны вектора желаний: держаться от всего этого подальше и ударить в ответ.

Если бы с утра в руке оказалась рюмка, то я практически гарантированно выбрал бы «держаться подальше». Но утро началось с таблетки цитрамона, а потому пришло ощущение, что изменения в моей жизни необходимо ускорить.

* * *

Первым делом я выгреб весь мусор. Пустые бутылки, испорченную еду, несколько пачек из-под презервативов. На счёт последних я не был уверен, что они принадлежали мне, потому что не мог вспомнить, когда последний раз был с женщиной. В кучу всякого хлама полетели и старые засаленные карты – обрывок прошлых времён, когда я тащил собутыльников «продолжить» в квартиру.

Найдя коллекцию открыток с видами Словакии, я выбросил все, оставив себе лишь одну, с изображением родового герба, намереваясь повесить над рабочим столом. Уже заранее можно было предсказать сарказм Шустера по этому поводу.

Что касается меня, то, когда открытки отправились на свалку истории, я не почувствовал ничего кроме громадного облегчения. Так ли важно на самом деле хранить их? Мне было не больше года, когда меня увезли. Драгоценности, переданные отцом, частично разворовали, частично пошли в оплату. Даже фамильное кольцо «Скрепка», служившее князям Словакии вместо короны, осталось у кого-то из перекупщиков. Я уже почти всё простил Томашу за те годы, что прошли после его смерти, но перстень...

Впрочем, я был жив, а Томаш мёртв. Раньше мне казалось, что ему повезло, а теперь ничего не кажется.

Из всего, что напоминало о прошлом, сейчас у меня были только открытка и характерный профиль князей Грабовски. Ни то, ни другое не являлось достаточным для возвращения трона.

Но куда чаще остальных причин меня останавливал страх, что ничего не выйдет.

Или выйдет, но не так, как мне хотелось бы.

Найдя старую ненужную сумку, я запихал в неё весь собранный хлам и огляделся. Солнце уже взошло, а ветер пока ещё не поднялся, потому песчаная завеса не мешала свету. Квартира по-прежнему выглядела убежищем холостяка, который поставил крест на том, что сюда когда-либо попадёт хоть одна женщина. Однако теперь было видно, что это именно убежище, а не берлога. Мне даже показалось, что здесь стало легче дышать.

Впрочем, не исключено, что всё объяснялось действием таблеток на голодный желудок и не до конца протрезвевшую голову.

Я вытащил сумку с хламом на улицу и закинул в огромный бак, а затем отправился в участок, чтобы появиться там до обеда впервые за несколько последних лет. Забавно, но из-за вчерашних ночных допросов, у меня в кои-то веки была абсолютно законная причина опоздать.

* * *

Если бы мне когда-нибудь пришлось составлять рейтинг людей, с которыми неприятно общаться, то на вершину я бы поместил всех неофитов, и не важно, чем они занимаются.

Кто-то из них бросает пить или курить, кто-то начинает бегать по утрам или делать зарядку, а кто-то просто наконец-то уходит с опостылевшей работы или разрывает отношения, потерявшие всё, что связывало людей вместе. Едва в разговоре с такими людьми вы заикнётесь о проблемах, с которыми не можете справиться, то они тут же начнут приводить в пример самих себя. Наверняка каждый в жизни сталкивался с подобным и может навскидку перечислить несколько фраз, которые непременно звучат в ходе разговора с такими людьми:

– Раз я смог, то и ты сможешь!

– Люди просто слабаки, если не могут себя заставить делать то, что должно.

– У тебя какие-то проблемы? Так пойдёшь и реши их! Я же так сделал...

Нельзя сказать, что эти фразы далеки от истины, но в поведении людей, которые их произносят, слишком много позёрства и самовосхваления, и слишком мало реальной помощи.

И, пожалуй, самое печальное в том, что неофиты действительно считают, будто помогают другим, а на деле лишь ещё глубже загоняют остальных в скорлупу проблем. И, попутно, становятся теми, с кем никто не хочет делиться сокровенным.

Неофиты часто удивляются, почему их круг общения в скором времени состоит лишь из таких же, как они, а также горстки гуру, которые достойны восхваления. При этом давние знакомые норвят перейти через улицу или сделать крюк, лишь бы не попадаться неофитам на глаза.

Впрочем, каждый из нас не только встречался с неофитами, но и был им. И причина подобного поведения известна – при первых шагах на любом пути требуется поддержка, вот почему неофит создаёт значимость совершаемых поступков самостоятельно. В противном случае начинания бросаются так же рьяно, а убеждения против них становятся столь же непримиримыми.

* * *

Участок встретил меня тишиной, нарушаемой лишь шуршанием бумажного пакета. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы подтвердить подозрения – Бобби Ти уже был на посту. Обложившись едой, он работал челюстями, как молотилками. Правда, сегодня были не привычные гамбургеры или пончики, а какая-то трава. Возможно, сельдерей – я не сильно в этом разобрался, считая зелень украшением блюда, а не едой.

Вообще-то Бобби Ти был совсем не тем, кого я ожидал увидеть и удивить, но я решил насладиться и этой встречей, учитывая странную пустоту в участке.

– Да-да, жирдяй, это не призрак. Это действительно Любомир Грабовски собственной персоной. Трезвый и вовремя. Смотри и учись. Было бы неплохо, если бы и ты перестал заполнять свою бездонную клоаку всяким дерьмом. Впрочем, ты на верном пути. Здоровая пища и всё такое.

Несмотря на грубый тон в тот момент я действительно желал Бобби Ти добра. Вплоть до того, что почти ожидал: сейчас толстяк отбросит еду в сторону, улыбнётся и запишется в тренажёрный зал, сауну для сжигания жира или куда-то ещё.

Однако Бобби Ти не отбросил еду. Он продолжал жевать, методично работая челюстями. Рот толстяка полностью не закрывался, и было видно, как меж зубов мелькает зелёный ком. Именно в этот момент, когда пасть Бобби Ти была забита, он попытался что-то произнести. Раздалось нечленораздельное чавканье, из которого мне удалось выудить лишь пару знакомых букв: «... л... Кр... ... ищ.....».

«Чтоб ты подавился», – в свою очередь подумал я, разом позабыв про доброту и попытку выудить Бобби Ти из лап чревоугодия. Словно исполняя моё желание, лицо толстяка перекошилось от приступа боли. Бобби Ти закашлялся, попытался набрать воздуха, но ничего не получилось. Затем толстяк согнулся и выплюнул всё, что было у него во рту, под стол. Словно там скрывались детёныши Бобби, которых следовало покормить пережёванной пищей.

С глухим «шмяк» зелёный ком упал на дощатый пол, а Бобби Ти захрипел. В глазах его читалось такое отчаяние, которого мне не доводилось видеть даже на лицах у приговорённых к казни. Возможно, те ребята просто успевали смириться со скорым концом, а Бобби Ти только сейчас осознал, насколько близко подобрался к смерти.

«Вот видишь, Бобби, к чему приводит чревоугодие? Тебя разве никогда не предупреждали, что не стоит разговаривать с набитым ртом? В сущности, это будет самым логичным концом для тебя», – успел подумать я, а затем с размаху хлопнул Бобби по спине.

Мелкий кусок жёванной травы вылетел из рта толстяка и упал прямо на блокнот, в котором Бобби записывал телефонные разговоры. Тотчас же на бумаге растеклось влажное пятно. Толстяк вздохнул несколько раз, сглотнул, и постепенно его лицо обрело нормальный вид. Я взял пару салфеток у Бобби и вытер руку. Спина толстяка была влажной от пота.

– Ну а теперь, раз ты передумал помирать, может, нормально скажешь то, что пытался произнести минутой ранее?

Дыхание толстяк ещё не восстановил, потому вместо связного рассказа мне вновь досталось нечто нечленораздельное. Однако сейчас я уже мог различать слова, и смысл их даже по отдельности мне не понравился, а уж после того, как я нанизал слова на одну нитку в нужном порядке – тем более.

– Крополь... сбежал... ищет... преступник... ночью... заметил... никто... не...

Одарив Бобби уничтожающим взглядом, под которым тот съёжился и, как показалось, начал вновь бледнеть, я выбежал из управления, сопровождаемый призраком, явившемся из подсознания. У монстра был облик запотевшей бутылки водки с руками и ухмыляющимся

ртом в том месте, где обычно пишут названия. Монстр протягивал мне полную до краёв рюмку и шептал: «Выпей, Любо! Как ты успел убедиться, жизнь в трезвости напоминает дерьмо. Выпей скорее, чтобы об этом позабыть».

В тот момент мне удалось побороть искушение, но причина была не в выдержке. Только когда меня охватила ярость, я понял, что до сих пор пьян. Похмелье пока не явилось, сдерживаемое лекарством, но, затаившись, шептало: «Это будет ужасно, мой мальчик...»

К счастью или нет, но я был поглощён другими проблемами и проигнорировал это предупреждение.

* * *

Ноги сами принесли меня к вокзалу. Обычно у меня вызывали смех штампы о том, что преступника всегда тянет на место преступления, но сейчас я руководствовался двумя соображениями. Во-первых, там его никто никогда не додумается искать. А во-вторых, кто знает, какие указания дал хозяин своему зомби.

Оказавшись у вокзала, я почти сразу разуверился в собственной идее. Одного взгляда на безжизненное кирпичное здание хватало, чтобы понять, что там вряд ли кто-нибудь прячется.

В «Ломбарде Страхова», стоявшем слева от вокзала, старик Страхов придирчиво оглядывал только что помытые стёкла. В «Прачечной имени Ляо», что стояла справа, один из сыновей Ляо с бумажным пакетом в руках упаковывал чей-то заказ. Во всём этом чувствовалась жизнь, а вокзал выглядел склепом, по недоразумению воткнутому посреди торговой площади.

Зайти внутрь меня заставило одно лишь упрямство.

* * *

Ступая тихо и осторожно по песку, я шёл по коридору вокзала. В воздухе разливались запахи тлена и сырости. Ещё совсем недавно, когда Док жил здесь, здание выглядело иначе. Видимо, старик был для вокзала сердцем, и, когда вырвали его собственное, случились сразу две смерти.

Заглянув в кабинет Дока, я увидел чистый стол и пол, скрытый песком. Не чёрным, а вполне обычным, желтовато-рыжим. Это напоминало гигантский лоток для кота. В местах, где остались крупинки чёрного песка, виднелись небольшие провалы – дерьмо, которое так и не удосужились закопать.

«Вот только такое дерьмо не закопаешь, да, Любо?» – мнение Томаша было как нельзя кстати.

Заходить в опустевшую комнату не хотелось, а потому я двинулся дальше и сам не заметил, как вышел на перрон.

Поезд, на котором Док приехал в Медину, стоял на путях, которых не было. Вид локомотива стал для меня неожиданностью, и я неосознанно отступил в спасительное нутро вокзала. До сегодняшнего дня мне приходилось видеть этот поезд только один раз, и то издали, с водонапорной башни. Я забрался туда в погоне за Лили Оденсо – соблазнительной аферисткой, связавшейся не с теми людьми и сумевшей сбежать от полиции, чтобы через пару перекрёстков поймать пулю в сердце. Тогда, как и сейчас, вид поезда внушал странный трепет. Казалось, что железный гигант не из этого мира. Что само его присутствие в Медине напоминает чёрное пятно в лёгких курильщика, которое медленно, но верно его убивает.

Стоило подойти ближе, как иллюзия рассеялась.

Я по-прежнему ощущал, что поезд в этом месте абсолютно чужой, но то ощущение «инаковости» было лишь остатками. Неуловимый флёр, который не успел выветриться. Смерть Дока стала причиной угасания или что-то иное, я не знал, и, наверное, так и не узнаю. При других обстоятельствах и при живом Доке я не попал бы на перрон.

Впрочем, сейчас у меня был карт-бланш, а потому через минуту я оказался возле скрытой под слоем копоти таблички. На чёрном фоне поезда она выделялась лишь очертаниями.

Сначала медленно, а затем всё быстрее и быстрее я принялся стирать налёт. Хотя он постепенно исчезал слой за слоем, буквы всё не появлялись. Лишь полностью испачкав руки, а заодно рукава плаща и рубашки, мне удалось не прочитать, но прочувствовать то, что когда-то было там написано. Водя пальцами по буквам, я запечатлевал их в своём сознании, пока не появилось слово, от которого повеяло могильным холодом.

Безвременье...

Я не знал, что реально ли это место или просто глупая шутка, но что-то внутри утвердилось в мысли: «Где бы ни находилось Безвременье, Док оттуда сбежал и не собирался возвращаться».

Может быть, именно оттуда и пришли те, кто послал лесоруба-убийцу. Может быть, если тому громиле сказать «Безвременье», его речь станет куда яснее, чем в тот раз, когда он слышал «песок». А может быть, это слово заставит его подохнуть прямо на месте – от разрыва сердца, к примеру. В конце концов, мы не могли заглянуть внутрь убийцы и узнать, не подобен ли он Доку.

Так я думал, одновременно с тем понимая, что во всех этих рассуждениях слишком много домыслов и ни одного реального факта. Мне следовало заняться тем, чем я изначально собирался – искать сбежавшего убийцу, который прятался где-то в городе. Я сомневался, что он сунется в аэропорт или попробует пересечь пустыню на вездеходе, не говоря уже о том, чтобы сделать это пешком. То, как лесоруб говорил о песке, выдавало скрывающийся у него внутри страх.

Вытерев руки об испачканную рубашку, я плотнее застегнул плащ, поправил маску с фильтрами и двинулся к выходу, где меня, как оказалось, ждали.

* * *

Это был обычный паренёк лет десяти или около того. Ребёнок из тех, чьё детство проходит на улицах. Увидев меня, мальчишка вскочил со ступенек и снял с лица платок – маски у него не было.

– Детектив Грабовски? – голос у паренька уже начал ломаться, и он этого стеснялся, отчего старался говорить тихо, благо ветер стих и нам не мешал.

– Да, малыш, чего тебе?

– Меня зовут Мерк, – он замолчал и внимательно посмотрел на меня. И только парой секунд спустя я понял, что сделано это лишь для того, чтобы его не называли малышом.

– Уяснил, Мерк. Так чего тебе нужно?

– У меня послание от Легбы, – паренёк насупился, затем лицо разгладилось, и он затараторил быстро-быстро, будто пытался рассказать стих в школе, пока ещё не забыл. – Человек, которого ты ищешь, сидит у меня в баре. Он не собирается уходить, но я не знаю, что будет дальше. Приходи скорее, если он тебе всё ещё нужен. И заплати парню.

На последней фразе Мерк поперхнулся. Я посмотрел на него чуть внимательней и заметил, как кончики ушей у мальчика порозовели. Было очевидно, что последнюю фразу

он добавил уже от себя, готовый, в случае чего, откреститься или попросту сбежать. Маленький паршивец уже получил своё и теперь пытался увеличить ставки, блефуя.

Следовало бы разозлиться, но я лишь отметил, что паренёк далеко пойдёт.

– Держи, – я протянул ему купюру и, не удержавшись, добавил банальность. – Только не трать всё сразу.

– Спасибо. Разумеется, не буду. Я собираюсь накопить на вездеход. Надоело ходить пешком.

Он развернулся и пошёл прочь, через минуту исчезнув в каком-то переходе, а я всё стоял на месте и думал о том, что глаза Мерка во время последней фразы были чересчур серьёзными, хотя внутри плавала искра хитринки. Вот паршивец! Скорее всего и этот его срыв в конце был отрепетированным! Да, он точно далеко пойдёт, раз так умеет чувствовать людей.

Я расхохотался, и смех принёс облегчение, вернув то ожидание перемен, которое началось сегодняшнее утро. Возможно, если бы Мерк встретился мне вновь, я бы отблагодарил его ещё одной купюрой.

Едва я окончил смеяться, как вспомнил о преступнике. Учítывая, что гигант вырвал Доку сердце, нечего было и думать о том, чтобы остановить его в одиночку.

* * *

Закусочная Римуса была первым местом, которое попало на пути. Я заскочил внутрь и сразу принялся пробиваться к дальней от входа стене, где висел, сверкая хромированной поверхностью, телефонный аппарат.

Посетители ворчали, когда я их отпихивал, но никто не переступил грань, за которой начинается ссора или драка. Либо они узнали меня, либо их отпугнуло выражение злости на лице, но мне понадобилось не больше минуты, чтобы оказаться у аппарата. Я снял трубку и попросил оператора соединить с полицейским управлением.

Пока шли гудки, я бросил взгляд на часы, висевшие на стене. Время непостижимым образом уже приблизилось к двенадцати пополудни, и стала ясна причина подобного столпотворения.

В обеденное время к Римусу стекались многие, ведь к каждому заказу совершенно бесплатно прилагался свежий номер газеты собственного издания. Вечером, а тем более утром, спрос на прессу был куда меньше. Те, кто получил газету, успевали разнести новости задолго до захода солнца.

– Полицейское управление, дежурный слушает, – раздалось в трубке, и я вздрогнул, возвращаясь к действительности. Говорил не Бобби – толстяк, по-видимому, закончил смену и ушёл, а других дежурных я не запоминал.

– Это Грабовски, – сказал я. – Преступник, сбежавший сегодня, находится сейчас в баре «Запах мамбо». Вооружён или нет – неизвестно, но точно опасен. Вышлите пару машин на подкрепление и обязательно сообщите Крополю, если увидите.

– Вас понял, детектив.

Я повесил трубку и вздохнул. Чтобы успеть до приезда полицейских и самому оценить ситуацию, следовало поторопиться. Вездеходы быстрее, чем человек, но полицейское управление находилось от «Запаха Мамбо» дальше, чем закусовая Римуса. К тому же, им ещё надо собраться и выехать.

Подхватив с чьего-то стола оставленную газету, я на ходу вытер об неё коготь с рук, оставшуюся с тех пор, как я тёр табличку на вокзале. После запихнул уже не выглядевший свежим выпуск во внутренний карман плаща и быстрым шагом вышел из закусовой.

* * *

Убийца сидел за стойкой, подперев голову двумя руками, и смотрел в стоявший перед ним стакан с чем-то прозрачным внутри.

Неподалёку, за одним из столиков, я заметил Рюманова и Легбу. Они о чём-то беседовали, но при моём появлении замолчали. Хозяйка бара улыбнулась, а барон медленно кивнул.

«Что ему тут надо?» – спросил я сам себя. Возможно, Рюманов заглянул к Легбе по каким-то своим делам и даже не подозревал, кто сейчас сидит за стойкой – в конце концов, он был единственным из подозреваемых, кому я не показывал фотографию убийцы. Однако меня не покидало ощущение, что это не случайность.

Впрочем, с этим я собирался разобраться позже. Сейчас следовало вернуть убийцу в камеру, выяснить, как он сбежал, и сделать всё возможное, чтобы это не повторилось.

Но стоило сделать шаг, как за окном раздался грохот. Послышались взволнованные крики людей, а лысый громила начал поворачиваться ко мне. В этот момент ножка его стула подломилась...

Убийца полетел на пол, нелепо взбрыкнув руками при этом, и приземлился ровно на затылок. Послышался треск, какой бывает, когда разрезаешь арбуз. Руки гиганта со стуком ударились о дощатый пол, а следом, завершая аккорд, противно громыхнул подломившийся табурет.

Я сглотнул и внутренним ощущением понял, что сделать уже ничего нельзя – на полу бара лежал труп.

* * *

Когда происходит нечто ужасное, в голове проносятся за одно мгновение тысячи мыслей, во многом далёких от происходящего. Время не останавливается, и едва всё заканчивается, как можно почувствовать пыль, поднятую табуном размышлений, промчавшимся мимо. Всё, естественно, не запоминается, а удаётся выхватить лишь одну-две мысли или фразы, которые человек обычно и произносит сразу же. Чаще всего это нечто нецензурное, потому что самые первые и гениальные идеи исчезают быстрее, чем удаётся их поймать.

Но в тот раз, когда на моих глазах преступник совершил столь нелепое самоубийство, удалось всё-таки ухватить кое-что важное. Всего лишь маленький намёк, кому это могло быть выгодно, благо причина сидела у меня перед носом.

* * *

– Та-а-ак, – протянул я, посмотрев в сторону Барона и Легбы. – И кто из вас двоих это сделал?

Дверь за спиной распахнулась. Я обернулся, ожидая кого угодно, но это оказался всего лишь Шустер. В тусклом свете лампы его очки казались абсолютно чёрными. Он посмотрел сначала на меня, потом на труп, а затем как-то разом обмяк, потеряв весь запал. Даже полы плаща прекратили трепетать, хотя в том драматическом эффекте повинен был утихший сквозняк. Стянув маску на шею, Шустер шагнул к стойке и склонился над убийцей.

Я же, подхватив стоящий рядом стул, подошёл к столику с двумя подозреваемыми, развернул стул спинкой вперёд и присел.

– Повторяю вопрос: кто из вас это сделал? Или, быть может, вы вместе?

– Не понимаю вас, детектив, – тон Рюманова был тихим и печальным. – Что вы пытаетесь сказать?

– Я пытаюсь сказать, многоуважаемый барон, что сейчас на моих глазах произошло убийство человека, замаскированное под самоубийство. Под нелепое, абсолютно ирреальное самоубийство. Мы можем сто раз повторить подобный трюк, и преступник выживет. Здесь не обошлось без ваших церковных фокусов. Впрочем, может спросим хозяйку заведения?

– Отвянь, Грабовски, – Легба была не столь дружелюбной, как барон. – Ты пришёл в мой бар, потому что я тебя позвала. Я могла просто прикончить этого типа и даже не сообщить, что он здесь был. А после ты искал бы его до скончания веков.

– Зато теперь ты отвела от себя все подозрения, разве нет?

– Ты идиот? – взгляд пылал злостью. – Заметь, я спрашиваю, Грабовски. Потому что если бы так думала, то, разумеется, устроила бы этот балаганный трюк. Ты прав, всё выглядит, как дешёвый фокус, но фокусник не я, а кто-то другой.

– Барон? – я вновь обратился к Рюманову. – Что говорит нам Перун-Апостол о подобных происшествиях?

– Что случайности – часть жизни.

– Благодарю покорнейше, теперь буду знать.

Я едва сдерживал злость, но первый порыв прошёл – у меня не было никаких доказательств, одни теории. Барон и Легба сидели передо мной, когда всё произошло. Не было каких-то странных звуков, магических обрядов или ещё чего, что обычно предшествует демонстрации божественной силы. Это было идеальное алиби, и, возможно, именно его они и добивались.

Когда живёшь в городе, где ежедневно один проповедник сменяет другого, а их проповеди напоминают соревнование фокусников, то поневоле привыкаешь к этому балагану. Чтобы кого-нибудь завлечь, требуется устроить шоу, но никто не говорил, что всё тоже самое нельзя устроить незаметно.

Дешёвым трюкачом сейчас выглядел я сам. Даже не трюкачом – простым клоуном, который в очередной раз получил тортом в морду и этим всех насмешил.

– И что теперь делать будем, а?

– Вы хотите совета, княже, или же просто интересуетесь нашими дальнейшими планами?

– Я интересуюсь, как быстро вы окажетесь за решёткой.

– Грабовски, – Легба наклонилась над столом, чтобы оказаться чуть ближе. – Веди себя как мужик, а не нытик. Что тебя больше волнует? Что потерял убийцу Дока? Если хочешь, я слеплю тебе из этого трупа простенького зомби. До суда он продержится, а потом тихо и мирно умрёт в камере. Устроит?

– Меня устроит, если ты захлопнешь свою пасть!

Я встал, но тут же вскочил и барон:

– Советую вам извиниться, княже. А иначе мне придётся вызвать вас на дуэль.

– В Медине не бывает дуэлей, только пьяные драки в подворотнях.

– Значит, случится первая. Впрочем, если вам больше нравится, я вызову вас именно на пьяную драку. Выбирайте подворотню!

Минуту мы сверлили друг друга взглядами, а затем я почувствовал на плече руку Шустера. Его голос, лишённый привычного сарказма, тихо и спокойно произнёс:

– Детектив Грабовски приносит вам официальные извинения, Легба фон Гётце. Мой коллега несколько не в себе и расстроен тем, что произошло. Примите заодно извинения от меня и от всей полиции Медины.

Легба задумчиво водила указательным пальцем по губам. От меня не укрылся взгляд, которым она обменялась с бароном.

– Вы принимаете извинения? – терпеливо спросил Шустер.

– От вас – да.

– Хорошо. Сейчас сюда подъедут мои коллеги. Думаю, мы закончим до обеда, и вы сможете открыть бар в обычное время.

Легба пожала плечами, показывая, что сейчас это волнует её меньше всего. Затем Шустер аккуратно и настойчиво оттащил меня к барной стойке и усадил на стул. На такой же, с какого недавно свалился убийца. К горлу подступил истеричный хохот. Я перегнулся через стойку и разжился половиной бутылки виски. стакан мертвеца, разумеется, трогать не стал.

Развернув газету, прихваченную у Римуса, я расстелил её на стойке. С открытой страницы на меня смотрел портрет Дока. Убийство не осталось тайной в таком маленьком городе. В статье вновь вспоминалась история приезда Дока в Медину, но, к счастью, о других странностях произошедшего убийства, пока ещё никто не разболтал. С одной стороны – это позволяло автору строить фантастические версии, а с другой – все они были ничуть не фантастичней реальности.

Отхлебнув из бутылки, я пролистал газету и отшвырнул её в сторону. Методично выпивая, я только где-то в районе четвёртого глотка вспомнил про утреннее решение завязать. Сейчас оно казалось надуманным и абсолютно неосуществимым. Мир без спиртного оказался ничуть не лучше, чем с ним. Даже наоборот – он бил куда больнее и в те моменты, когда ты этого не ожидаешь.

Я выпил ещё, и к тому времени, когда приехали полицейские, мне было если не хорошо, то хотя бы безразлично. Я продолжал злиться на Легбу и ненавидеть барона, считая, что именно они виноваты в том, что произошло, но эмоции уже потускнели.

Оседлав привычного внутреннего монстра «Меня-Никто-Не-Любит», я отправился на его спине в знакомую страну под названием «Забвение». Иногда мне казалось, что лучше остаться там навсегда и никогда больше не возвращаться в Медину.

Когда-нибудь, я так и сделаю.

Интерлюдия: Канга

*Люди выбирают тотемы по духу. Иногда растят дух по тотему.
Иногда меняют тотем.*

Тотемы выбирают людей редко. Духи ещё реже.

И то, и другое – к счастью.

Шаман Канга

Шаман Канга парит в вышине подобно орлу и наблюдает за Мединой, выискивая ту дичь, которую ему обещали духи для последней охоты. За все эти годы никого похожего не появлялось, и чтобы не растерять навыков, Канга порой бросается вниз с высоты, дабы припугнуть зазевавшуюся душу и вновь взмыть в небо.

Иной раз удержать себя оказывается необычайно трудно, а потому Канга вцепляется острыми когтями в чужой дух. Медленно-медленно приходится разжимать их, чтобы не ранить того, кто привлек внимание шамана.

В другие разы он не атакует, но преследует. Позволяет какому-нибудь духу угнать себя в дорогу странствий. Посмотреть чужими глазами, послушать чужими ушами, побыть чужим...

Когда ты уже много лет шаман Канга, то побыть кем-то другим – небывалое удовольствие. Настолько небывалое, что постоянно приходится себя одёргивать. Ведь можно поселиться в чужом теле, вытеснить чужой дух или поглотить его. Тогда старое тело останется гнить в старом доме, а на новом месте предстоит прожить новую жизнь.

Канга не поступает подобным образом по причинам, которые лежат далеко от этики или морали. Просто чужие судьбы, попадающиеся во время странствий, слишком мелкие. Ни один из увиденных путей не может сравниться с его собственным.

Шаман так долго идёт этой дорогой и так долго ждёт нужного момента, что заставить бросить привычный путь может только нечто поистине невероятное.

* * *

С призрачной охоты шамана возвращает требовательный зов, сильней которого Канга ещё не слышал. Разве что в тот раз, когда духи призвали его и отправили в этот треклятый город. Но тогда всё было иначе – чистый свет, красивые слова, долгое прощание.

Сейчас в зове ясно слышится тревога.

Открыв глаза, Канга некоторое время смотрит в одну точку. Ему требуется время, чтобы полностью вернуться в тело. Постепенно шаман начинает видеть обстановку вокруг, а дыхание становится глубоким и ровным. Взгляд отрывается от начертанного на кирпиче знака возвращения (завитушка, похожая на спираль) и принимается блуждать по комнате.

Песок, пыль, следы запустения – спутники того, кто давно не обращает внимания на реальный мир.

«Канга уже пора отправляться. Канга всё ещё здесь, – думает шаман с неудовлетворением. – Духи обещали Канга подвиг. Прошло больше десяти лет. Канга ютится в маленькой конуре. Канга покрывается пылью. Духи неплохо посмеялись».

Между этим брюзжанием и резким уколом в сердце проходит не более секунды. Духи напоминают, что шаман предпочитает больше времени проводить, блуждая призраком, нежели дожидаться шанса совершить подвиг.

– Канга всё знает. Успокойтесь! – фыркает шаман.

Он поднимается с колен, чувствуя, как прекрасно повинуются мышцы. У путешествия в мир духов имеется побочный тонизирующий эффект. Стоит провести там пару дней, как ты ощущаешь себя на пару десятков лет моложе. Это длится не более трёх-четырёх часов, но даже эти часы радуют Канга, чьё тело давно уже перешагнуло рубеж старости.

И всё же, несмотря на приятные ощущения и лёгкость, Канга вспоминает про тревожный зов. Вздохнув, он отстёгивает с пояса маленький холщовый мешочек – содержимое глухо ударяется друг о друга. Шаман улыбается и подходит к окну, половина стёкол в котором разбита. Набежавший песок горкой покоится рядом. В отличие от других домов, он не пытается занять здесь всю поверхность, предпочитая шнырять мелкими горстями то тут, то там.

Словно уважает или боится хозяина дома.

Разровняв поверхность, Канга очерчивает пальцем круг, затем отмечает местонахождение сторон света. После, подумав, обозначает траектории движения солнца и луны. Встряхнув содержимое мешочка несколько раз, шаман высыпает в круг зубы, большая часть из которых принадлежит предкам Канга.

Не глядя на результат, старый шаман идёт к холодильнику, берёт там банку тёплого пива – холодильник работает плохо – и возвращается к песчаной картине.

Чёрные зубы лежат на севере. Белые на востоке. Жёлтые возле лунного силуэта. Один из зубов, самый маленький, принадлежавший умершему в младенчестве брату Канга, покоится отдельно от остальных на границе круга.

Задумчиво потрогав его пальцем, шаман опускается на тёплый песок, ложится возле круга на бок и принимается тщательно изучать получившийся рисунок, кивая в такт собственным мыслям и не забывая отпивать из банки.

Когда пиво заканчивается, шаман подбирает зубы по одному и перекидывает их в банку. Закрыв отверстие ладонью, он встряхивает, наслаждается прозвучавшим звуком, пробует сыграть простой ритм, ещё раз кивает и опять высыпает зубы в круг.

За исключением крохотных, не больше пары миллиметров, сдвигов – картина получается той же самой.

– Плохая судьба, – вздыхает шаман, сминая алюминиевую банку до маленького блинчика.

Затем он вновь собирает зубы и прячет их в мешочек, пристегнув его обратно к поясу. Поднимается и подходит к холодильнику – там есть ещё пара банок.

– Канга расскажет плохие вести мальчику, – говорит шаман, вскрывая первую банку и слушая, как шуршит пена. – Только надо узнать больше.

Зов духов тревожен, но не предполагает мгновенного действия. В сущности, духи вообще ничего не требуют, а только лишь спрашивают с тебя, когда наступает их время.

* * *

За окном день двигается навстречу ночи. Канга успел уйти в очередное путешествие в мир духов и вернуться из него. В этот раз шаман искал кое-что определённое и нашёл это. Судьба ещё одного мальчика оказалась тесно переплетена с той, которая любопытна Канга. С той, которую шаман когда-то изменил.

Канга вспоминает об этом и ухмыляется. Допивая уже пятую банку пива, он размышляет о двух вещах: необходимость пополнить запасы и необратимость судьбы.

С судьбой проще.

Она подступает, хватая тебя за горло и ведёт туда, куда ей вздумается. Так и произойдёт с самим Канга, так и произойдёт с мальчиком.

«Канга один раз обманул судьбу», – думает шаман и улыбается этому приятному воспоминанию. Отсалютовав солнцу банкой, Канга мысленно возвращается к тому времени, когда он сумел обхитрить всех. И соплеменников, которые в нём разуверились; и молодого ученика, который вздумал занять его место; и матёрого льва, который охранял дорогу духов.

Сейчас не стоит и пробовать обманывать судьбу. Канга отлично понимает, что уже далеко не тот, кем прибыл в этот город. Размеренная жизнь не идёт на пользу тому, кто привык выживать. Да и изменять проще чужие судьбы, а не свою.

– Канга расскажет мальчику, – шепчет шаман, вытряхивая на песок последние капли пива из банки. – А тот сам решит. Миссия Канга закончится. Дальше ждать подвига.

Несмотря на то, что духи уже давно обещали ему великих свершений, Канга подсознательно давно привык к мысли, что единственным его подвигом будет достойная смерть.

Вновь вспомнив об этом, шаман возвращается мыслями к пиву. Запасы заканчиваются, а денег, разумеется, у старика нет. Раньше он торговал амулетами, но дела шли плохо. Пожалуй, сейчас лучше заняться предсказанием будущего или смастерить себе новый инструмент.

Старый пришлось выкинуть много лет назад, сразу после того, как они с мальчиком заглянули в его мир.

– Канга расскажет мальчику, – повторяет шаман и начинает собираться.

Глава IV

На улице светило солнце.

Это всё, что я видел со своего спального места, представлявшего собой два сдвинутых стула. Ноги затекли, голова привычно гудела, а где-то в груди жила пустота. Я помнил все события сегодняшнего утра – они отпечатались в мозгу столь отчётливо, будто я пил не спиртное, а некий эликсир для улучшения памяти.

Во рту было так же сухо, как и на улице. Вдобавок, я ощущал на зубах крошечные песчинки. «Если Медина ощущает себя так же, то я не удивлён, что здесь постоянно дует ветер. Должно быть, таким образом город пытается унять сводящий с ума зуд», – подумал я.

Скинув с себя плащ (мой собственный), я попытался подняться. Получилось с трудом, так что я предпочёл скомкать плащ и подоткнуть его под голову. Едва я закончил, как в кабинет кто-то вошёл. Поскольку дверь была за спиной, а повернуться мне не хватало сил, я предпочёл представить, что это Шустер. В пользу данной версии говорило деликатное молчание вошедшего.

Молчание длилось с минуту или около того, а после я всё же ухватился за спинку стула и рывком поднял себя вверх. В голове зашумело сильнее, перед глазами всё поплыло, но, поморщившись, мне удалось совладать с приступом. Это не повод для гордости, конечно, однако у меня имелась большая практика в подобных пробуждениях.

Единственным отличием оказалось то, что меня совсем не тошнило.

– Рад, что ты жив, – раздался за спиной голос Шустера.

– Песок шуршит, тихо-тихо, – пробурчал я.

Шутка не нравилась мне самому, но не хотелось начинать с извинений или оправданий.

– Смешно. Полагаю, у тебя тоже между ног пустовато?

Настал тот момент, когда следовало повернуться. Это было мучительно, и процесс растянулся на несколько секунд, но всё же у меня получилось.

Шустер, вопреки ожиданиям, не улыбался. Скорее, он выглядел растерянным. Более точно мешали определить зеркальные стёкла очков.

– Повтори, – попросил я.

– Лучше просто расскажу, – Шустер прошёл и сел на край стола, заслужив мой признательный взгляд. Теперь не приходилось задирать голову и можно было откинуться на спинку стула. – В общем, через час после того, как ты выразил желание поспать, а я вспомнил о своём дружеском долге и притащил тебя в участок, позвонил Крюгер. Наш медик, как ты знаешь, обычно спокоен и невозмутим и лишь бурчит что-то себе под нос. Однако в этот раз я уже по голосу понял, что он столкнулся с чем-то таким, что никак не может его отпустить. После его рассказа голос изменился и у меня, так что пришлось самому съездить и убедиться, что у Крюгера не случилось внезапного помутнения сознания. Оказалось – не случилось. А если и случилось, то у нас обоих. Не думал, что после Дока меня что-то ещё способно удивить.

– И что же это было? Я сейчас не в форме и предпочту обойтись без загадок.

– Расслабься. От загадок всё равно никуда не деться. Парень, который убил Дока, на самом деле не парень. Впрочем, и не женщина. Это бесполое «оно». Под слоем кожи, которая на ощупь больше напоминает резину, мы обнаружили, что наш лысый гигант попросту наполнен глиной. А вот на том месте, где у него должен быть член, есть лишь странный символ, который ни я, ни Крюгер никогда не видели.

– Голем, – пробормотал я и потёр виски, прикрыв глаза. – Големы – искусственные люди, которых делают из глины. Где я про это слышал?

– Подозреваю, что от Рабби. Големы – это одно из орудий адептов каббалы. Понимаешь, к чему я клоню? Рабби Шимон обладал необходимыми знаниями, чтобы сделать такого голема. Более того, я поговорил с парой человек, и один из них рассказал мне, что больше двадцати лет назад Рабби пытался с помощью големов проникнуть в тайны Медины. Рассказчик в подробности не вдавался, да и вообще, как показалось, предпочёл бы не вспоминать тот вечер, однако что-то заставляет меня думать, что он не сочинил эту историю.

– Рабби убил Дока? – я помотал головой. – Что-то не сходится. Письмо указывает в том числе и на него, но что-то не сходится.

Шустер вздохнул и встал, затем подошёл ближе, присел на корточки и заглянул мне в глаза. От неожиданного соседства собственного лица, которое посмотрело на меня из зеркальных очков, я чуть отклонился назад.

– Любо, я тебя должен кое о чём спросить, – голос Шустера лился спокойно и мягко, как обычно бывало, когда он готовился к короткой и быстрой словесной атаке.

– Спрашивай, – буркнул я. – Только я тебя и оттуда слышал.

– Хорошо. Спрашиваю. Перескажи мне свой последний разговор с Шимоном.

– Он говорил, что письмо Дока не имеет больше никакого значения; что город стал слишком опасен; что ему нужно срочно отсюда сваливать; что лучше не трогать песок, а просто жить. Что-то ещё про то, что он старый и больной человек. Мне показалось это подозрительным, так что я вызвал патрульных, когда был у Легбы. Они должны были приглядеть за Рабби, если он попытается смыться...

Пока я это говорил, то понял, что Шустер, безусловно, знал, где искать Рабби. И наверняка уже успел бы с ним поговорить, если только...

Если только этот сукин сын не сбежал! Надо было мне остаться с ним... хотя при таком раскладе я вполне мог не встретиться с Легбой, не передать ей фотографию, не дожидаться ответного жеста любезности с приглашением посетить бар и посмотреть на убийцу...

От подобных рассуждений голова разболелась ещё сильнее.

– Ясно, – Шустер встал. – Спасибо, Любо.

– Рабби сбежал?

– Да, вчера патруль не обнаружил его в комнате. Сразу объявили в розыск, но ты понимаешь, что и без того дел хватало. Особенно, когда наш бесполоый убийца сбежал. А дальше, в тот самый момент, когда мы были в баре, самолёт с Рабби Шимоном на борту при взлёте не сумел набрать высоту, клюнул носом и упал. Помнишь грохот, раздавшийся в тот момент?

Я неуверенно пожал плечами, но Шустер кивнул – скорее собственным мыслям, а не моему жесту.

– Да, крушение самолёта, – продолжил он. – Говорят, песок забился в турбины. Как бы там ни было, но Рабби Шимон ныне мёртв. И я не могу утверждать точно, а лишь догадываюсь, что нелепая смерть голема произошла в тот самый момент, когда умер и сам Рабби. Смекаешь?

– Пока нет, – мой голос звучал глухо. – Сейчас я попрошу тебя найти мне какой-нибудь еды и стакан с водой, а пока ты ищешь, я умоюсь и попробую заткнуть стрекотание цикад в своей голове. А вот уже после постараюсь понять.

Встав, я двинулся к дверям. Мир был слегка иллюзорен, но, к счастью, не делал попыток перевернуться с ног на голову. Спасибо ему на этом. Я и без того от произошедших за последние дни событий потерял ощущение реальности.

Уже на выходе меня догнал вопрос Шустера:

– Стакан с водой, Любо?

– Да, – я понял, что его так изумило. – Сегодня, как мне кажется, с меня хватит.

Всё ещё улыбаясь из-за того, что удалось изумить Шустера, я прошёл в туалет, поплескал в лицо прохладной водой, а затем посмотрел в покрытое мутными потёками зеркало – обычно его протирал Бобби Ти, но последний раз, судя по всему, случился очень давно.

«Док мёртв, – подумал я. – Теперь умер и Рабби. По логике, следующими должны стать Легба или Рюманов, но мне почему-то кажется, что так не будет. И ещё мне кажется, что Шимон не убивал Дока. Они были чем-то похожи. Может быть, как раз эта похожесть и стала причиной их смерти».

Я пустил холодную воду большим напором, засунул голову в раковину, слегка извернувшись, чтобы не задеть кран. Минут пять, пока не закололо в висках, я старался думать лишь о том, чтобы случайно не уснуть и не захлебнуться.

Это была бы ещё более нелепая смерть, чем та, которая приняла в свои объятия лесоруба-голема.

* * *

Через полчаса, съев пару огромных бутербродов с консервированным тунцом в листьях салата (Шустер заявил, что отобрал их у Бобби Ти), я был в относительном порядке.

– Что у нас есть? спросил я.

Шустер достал листок бумаги и вывел на нём заглавную «Д». Затем обвёл её в кружок и зачеркнул. После нарисовал от «Д» три стрелочки к трём другим буквам «Б», «Л» и «Р». Затем обвёл «Р» кружком и зачеркнул. Нарисовал в стороне заглавную «Г», обвёл, зачеркнул и протянул от неё две стрелки. Одну к «Д», а вторую к «Р», сопроводив последнюю знаком вопроса.

– Вот что-то такое мы имеем, правильно? – Шустер поднял глаза. – Только это и ничего больше.

– Нет, не правильно.

Я отобрал листок и нарисовал ещё отдельно стоящую букву «Ч», от которой протянул стрелку к «Д». Затем, подумав, поставил небольшую «Б» и подчеркнул.

– «Ч» – это чёрный песок, как я понимаю, а «Б»?

– Бумаги Дока. В них что-то должно быть.

– Поверь мне, я просматривал их. Ничего из того, что могло бы дать зацепку. Больше похоже на мемуары.

– Из мемуаров обычно легко понять отношения с другими людьми.

– Не в этом случае. Впрочем, если хочешь, просмотри их пока. Мне как раз надо заняться этим «Ч». Мы перевезли весь найденный чёрный песок с вокзала в хранилище к криминалистам. Не могу утверждать, что всё до последней крупинки, но ребята очень старались. И сейчас возле хранилища вертится парочка неприятных типов из тех, что готовы на всё за большие деньги. Не мешало бы их проверить.

– Хорошо, тогда так и поступим. Где сейчас бумаги дока?

– В моём кабинете, в сейфе. Код ты знаешь.

Я кивнул и потянулся. Вопреки деловому настрою, в голове, по большей части, мелькали мысли о том, что не мешает взять у Бобби Ти ещё парочку бутербродов. Или отправить толстяка за более изысканным ужином.

Умственная работа необычайно способствовала здоровому аппетиту.

* * *

Бумаги Дока действительно содержали мало интересного. Вернее, интересного в них было много. Попади они к какому-нибудь историку Медины (я не знал ни одного, но это

не мешало им существовать), тот, возможно, и действительно мог убить за такой богатый материал. Однако, что касается эпизода с убийством самого Дока, удалось вычленишь лишь кое-какие намёки. Для этого пришлось внимательным взглядом проредить многочисленные загадочные заметки и опустить короткие, но ёмкие размышления о жизни Медины.

Я вернулся в свой кабинет за листком со схемой, которую мы начертили с Шустером, а затем отправился обратно. Навстречу попался Бобби Ти. У него было такое задумчивое лицо, словно перед толстяком разом открылись все тайны мироздания и только и ждут, когда же он к ним прикоснётся. Однако при всём этом Бобби опять работал челюстями – грыз ноготь.

Завидев меня, Бобби выдернул палец изо рта, переменялся в лице и постарался прошмыгнуть на своё место. Я проигнорировал его и, вернувшись к бумагам, сделал на листке со схемой несколько дописок.

Поставил рядом с зачёркнутой «Д» вопрос и подписал: «Что есть Медина?»

Затем подписал точно такой же вопрос рядом с зачёркнутой «Р».

После, откинувшись на спинку и покачивая в руке карандаш, я некоторое время просто сидел, почти физически ощущая, как в голове холостым ходом проворачивается механизм, которому не хватало лишь какой-то одной шестерёнки, чтобы заработать в полную силу.

Поразмышляв, я поставил ещё по знаку вопроса рядом с «Л» и «Б». Я чувствовал, что и эти вопросы были связаны с Мединой. Док и три человека, которым он написал письма, были объединены идеей фикс покорить этот город. И если для Дока и Рабби это означало «познать», то вряд ли Легба и Барон жаждали всего лишь раскрыть тайну.

Последнюю дописку я сделал по наитию. Уже убрав бумаги Дока назад в сейф, я вернулся и дописал к чёрному песку – «противовес».

Если рассматривать его как антимаерию для песка Медины, то выходило, что Док всё же смог приблизиться к ответу. Зашёл с другой стороны, создав нечто такое, что было настолько «не-Медина», что простым убиением «не» можно было подобрать нужный шифр.

«Но кто-то убрал Дока раньше. Не Медина же это сделала, в самом деле?» – я попробовал ухмыльнуться, но понял, что у меня не получается. Исключая вопрос «как именно», я уже вплотную подошёл к тому, чтобы поверить и в такое развитие событий.

* * *

Шустер просочился в кабинет, бесшумно открыв и закрыв дверь, а затем уселся напротив меня и поправил очки. Я машинально отметил, что пальцы у него дрожат, но ничего не спросил.

– Пока всё чисто, – сказал Шустер. – Типчики продолжают вертеться поблизости, но ничего не предпринимают. Можно взять их, повод всегда найдётся, но тогда пришлют новых. Не ясно, как быстро мы их опознаем. К тому же, можем ещё и спровоцировать ненароком, если смекнут, что мы знаем о слежке.

– Кто смекнёт?

– Легба и Барон. А может не «и», а «или». Больше-то некому. Сомневаюсь, что в эту игру вмешается кто-то ещё. Мы с тобой сидим тут, расхлёбываем дерьмо и мучаемся в догадках, а возможно где-то рядом прячется главный приз.

Шустер шумно потянул носом, а потом вдруг словно заскулил жалобно. Я никогда ещё не видел его таким. Детектив Крополь явно был не в себе, а потому, презрев все договоры, я спросил напрямую:

– Что случилось, Шустер?

– Херня. Всё херня. Забудь. Кажется, у меня начинается депрессия. Наверное, ты виноват, что до сих пор трезвый. Возможно, стоит выпить мне, чтобы восстановить равновесие. Должен же быть в полиции Медины хоть один алкаш.

На последней фразе Шустер всхлипнул, но тут же закрыл лицо руками и несколько раз вздохнул через паузу. Минутой спустя он вновь сидел передо мной с обычной невозмутимостью.

– Прости, Любо, нервы. Я не хотел тебя обидеть.

– Ты сказал то, что сказал. Ещё вчера я бы набил тебе морду, но сегодня, пожалуй, ограничусь тем, что пошлю подальше.

– Ты чрезвычайно добр, – Шустер хмыкнул. Хорошее настроение постепенно возвращалось к нему. – Что-нибудь откопал?

– Ничего существенного. Ты прав, бумаги Дока не кладёшь знаний. Хочу теперь прогуляться до комнаты Рабби.

– Ребята вывезли оттуда всё, так что можешь никуда не идти, а просто заглянуть на склад.

– И всё же схожу.

– Как пожелаешь. Подбросить? – Шустер усмехнулся. – Давно я тебя не катал на своей малышке.

– Не сегодня. Ты же знаешь, что я не доверяю твоему автомобилю. В любой момент он может превратиться в дьявола... или какие там про него ходят слухи?

– Какие только не ходят, – Крополь усмехнулся, но криво. – Ладно, прогуляйся, Любо, если хочешь. Я останусь здесь и буду ждать результатов анализа по чёрному песку. Эксперты клянутся, что им осталось совсем чуть-чуть, но тоже самое они говорили вчера.

– Да, – я кивнул и натянул маску. – Я бы тоже очень хотел знать, что это за штука.

* * *

То, что я собирался найти в комнате Рабби не было чем-то определённым. Возможно, знаки на стенах, полу, в коридоре или просто выцарапанные на подоконнике. Что-то должно было остаться. Какая-нибудь старая и вроде бы никому не нужная тайна.

Как поезд Дока, застывший на перроне вокзала.

Или как его бумаги-мемуары. Кое-что всё-таки было в них, о чём я решил пока не сообщать Шустеру, боясь, что он меня высмеет. Была одна общая черта, встречавшаяся из раза в раз, почти на каждой странице – у каждого здесь есть секрет. Свой вопрос, на который требуется получить ответ. Не скелет в шкафу, хотя и последних хватало, а именно цель жизни, которая исподволь управляла всеми действиями человека.

По мне, в этом не было ничего удивительного: так и должно быть в мире. Однако Док считал, что вопрос каждого жителя Медины лежал в плоскости «жизни и смерти». Сознание, которое определяло бытие и тем самым изменяло мир.

Насчёт последнего у меня были сомнения, но я решил попридержать их пока. Как я уже говорил, живя в городе, где каждый день творятся проповеди с балаганными чудесами, легко забыть, что всё это может быть лишь прикрытием. Мне уже доводилось сталкиваться со странностями, которые невозможно было объяснить рационально.

Я и не объяснял. Просто забывал и старался не тревожить те участки памяти. И без того забот хватало, как мне тогда казалось.

Теперь пришла очередь пожалеть о том опрометчивом решении.

«А ты сам? – спросил Томаш, о котором я уже начал подзабывать, – В какую игру играешь ты? В князя, копящего войска, чтобы вернуться с огнём и мечом? Вряд ли. В крутого

детектива, повергающего бандитов в трепет? Возможно. В заплутавшего в темноте человека, которого ложные огни манят в разные стороны? Куда как вероятней».

Ветер продолжал сдерживать меня, усиливая напор. Через какое-то время пришлось чуть нагнуться вперёд. Буря усилилась, хотя ещё минуту назад было относительное затишье. Такие моменты в Медине нельзя предсказать, но я чувствовал, что сейчас это неспроста.

В последнее время всё происходило неспроста.

* * *

Когда я добрался до комнаты Рабби, то застал там пожилую китайку. Склонившись, она мыла пол, собирая грязную воду драной тряпкой и выжимая в оцинкованное ведро. Повсюду поблёскивали мелкие крупинки влажного песка, а под панцирной сеткой кровати образовалось что-то вроде развалин песочного замка.

– Детектив Любомир Грабовски, полиция Медины – сказал я. – Хочу ещё раз здесь всё осмотреть.

Китайка взглянула на значок, затем выжидающе посмотрела на меня, а после пожала плечами и удалилась, оставив тряпку досыхать на ведре. Я слышал шаги женщины по старой скрипучей лестнице. Они становились всё тише, пока не умолкли окончательно. Только тогда я приступил к осмотру.

Внимательно изучив подсыхающий пол и прощупав стены, я признал, что затея «найти что-то» чересчур отдаёт оптимизмом. Рабби наверняка был осторожен и предполагал, что комната будет первым местом, где начнут искать его секреты. Что же касается «нечто неосязаемого, какой-то атмосферы», то в помещении пахло мокрой тряпкой и влажным песком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.